ЗАКОНОМЕРНОЕ БЕЗЗАКОНИЕ

Международное обозрение

— У нас общество управляется не людьми, а законами, — чванливо изрекают пропагандисты «свободного мира» и надменно ухмыляются, выложив этот свой излюбленный аргумент.

Ах, конечно, законы!.. Ах, разумеется, законность!.. Как, это! «Закон есть закон», «закон превыше всего», «перед законом все равны» и так далее в том же духе. На эти прописные истины, понятно, и намекают атлантические проповедники.

Но тогда почему они стыдливо умолкают, едва речь заходит о Чили! Не потому ли, что там простые гражданские и человеческие права, элементарные конституционные нормы нагло и бесцеремонно попраны фашистской хунтой! Беззаконной и внезаконной, кстати, уже с первого дня ее воцарения...

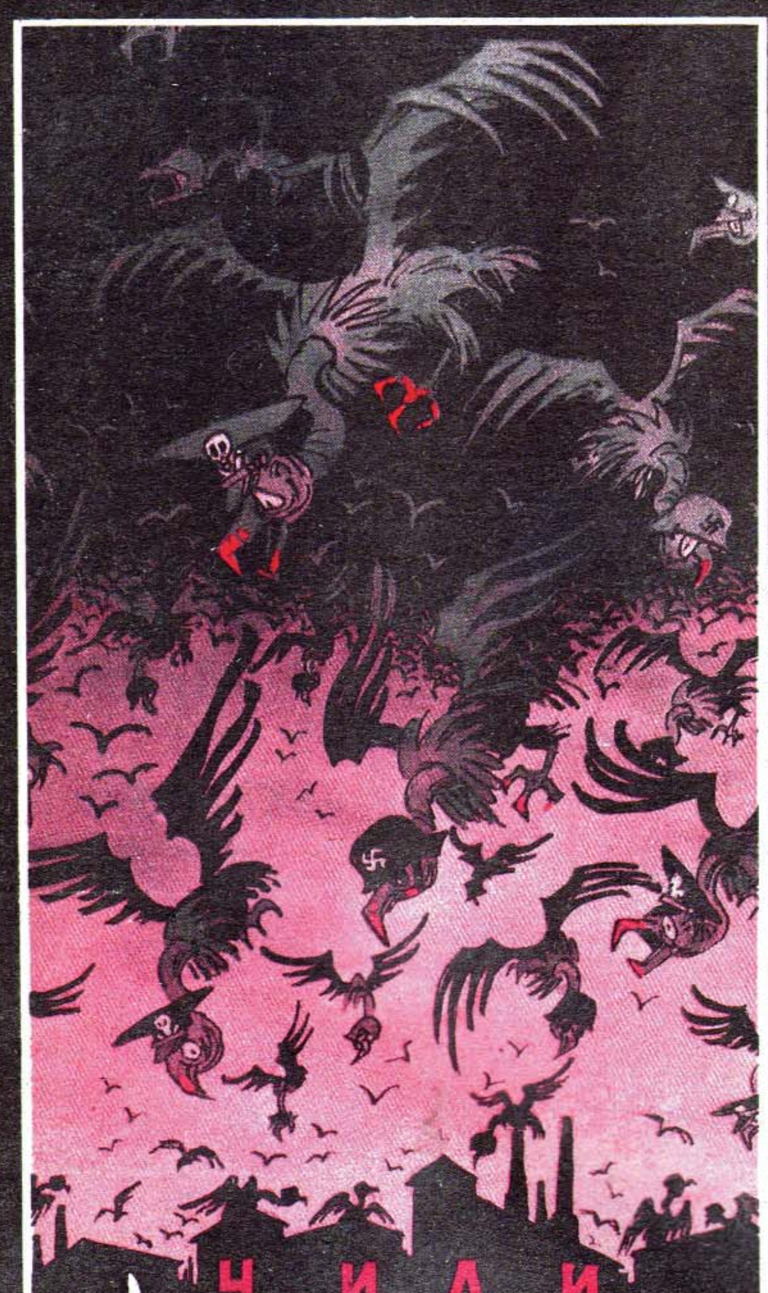
Отчего они не ссылаются на официальные рескрипты израильских властей, опоясывающих захваченные у арабов земли цепью военизированных поселений! Не оттого ли, что поселения эти — явно незаконные точки на очевидно незаконной карте!

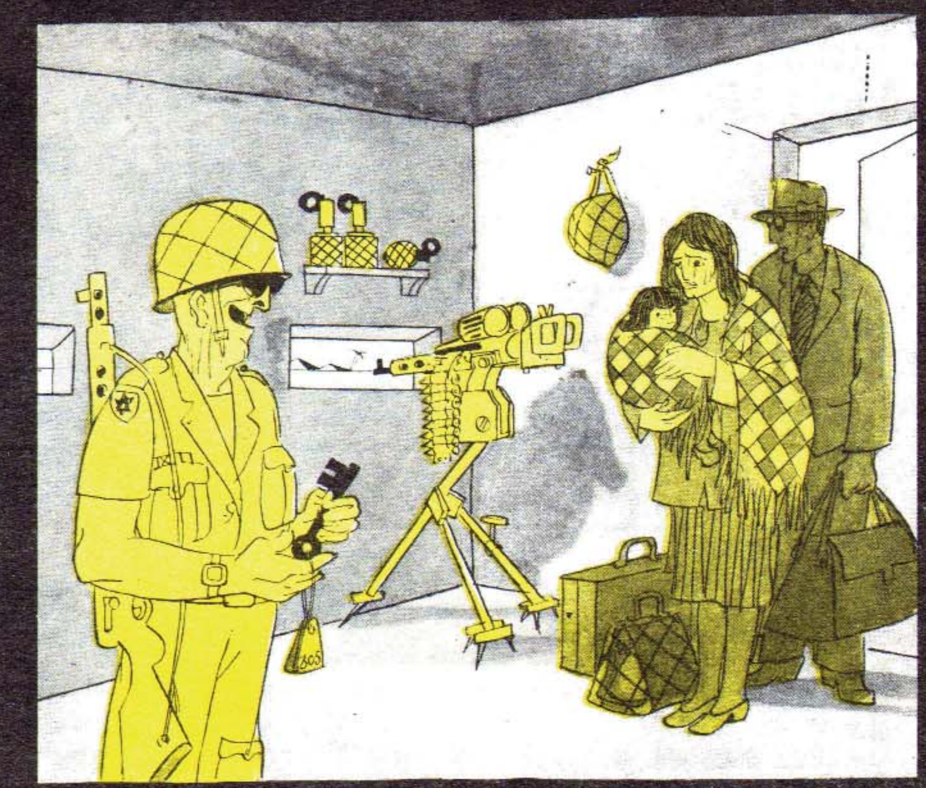
Как понять, что, разглагольствуя о всевластии закона, апологеты «свободного мира» конфузятся упомянуть о многолетней неискоренимой практике Федерального бюро расследований, вознамерившегося, кажется, собрать отпечатки пальцев со всей Америки, включая койотов, опоссумов и медведей гризли! Не тем ли объясняется конфуз, что с юридической точки зрения брать отпечатки пальцев у невиновного — верх беззакония! И что, стало быть, вся эта иезуитская практика насквозь противозаконна!

А ведь это только три примера из десятков и сотен.

«Общество, управляемое законами...» — бубнят наемные атлантические витии. Допустим. Но, господа, не слишком ли много исключений!

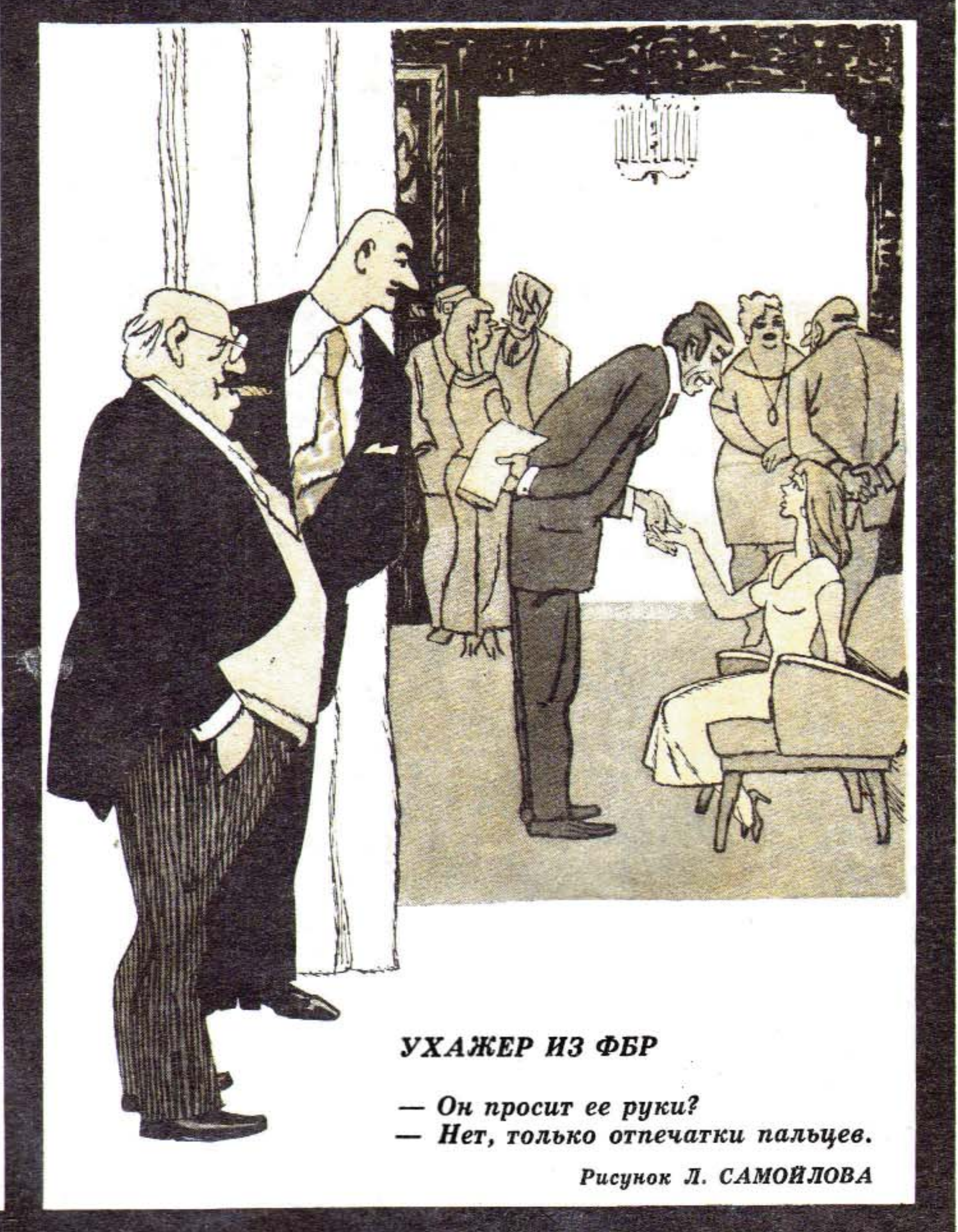
ЧЕРНАЯ НОЧЬ НАД ЧИЛИ — *Рисунок М. АБРАМОВА*

— Не понимаю, что вам еще надо? Благоустроенная квартира, прекрасный вид из окна...

Рисунок В. ГИНУКОВА и Л. ГОРОХОВА

УХАЖЕР ИЗ ФБР

— Он просит ее руки?
— Нет, только отпечатки пальцев.

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

КРОКОДИЛ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА Индекс 70448 Цена номера 15 коп.

КРОКОДИЛ

С ПЕРВОЙ ПОЛУЧКИ

—Спасибо за учебу!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА

№10 АПРЕЛЬ 1976

НА СЪЕЗДОВСКОЙ ВОЛНЕ

Е. ГУРОВ, специальный корреспондент Крокодила

НИЖНЕДЕВИЦКИЕ БЛИНЫ

В Нижнедевицке в разгаре Праздник труда. На площади гремит музыка. Звенят песни. Грохочут аплодисменты. Толпы народа перекатываются с места на место.

Вот зрители сгрудились у четырех тракторов «Беларусь». Здесь соревнуются трактористы. Тракторный слалом. А там соревнуются тройки, естественно, с бубенцами. Вороные, буланые, серые в яблоках... И толпа уже тут как тут. А отсюда — все на другие бега. Гусиные! Гуси, запряженные в маленькие саночки, отстаивают честь родных колхозов.

Поднятие тяжестей. Перетягивание каната. Конкурс на лучший национальный костюм...

На макушках высоченных столбов висят новенькие сапоги. Столб тщательно ошкурен, только что лачком не покрыт. Попробуй влезь, попробуй достань! И, надо сказать, попробовали, влезли и сапоги достали!

В маленьких, ярко и весело оформленных избушках пекут блины. Подойди — угостят! Авторитетное жюри шествует от домика к домику. Первый блин, как известно, комом, и потому жюри пробует шестнадцатый.

Во второй половине дня Праздник труда переместился во Дворец культуры.

Певцов сменяют кондитеры. Огромные торты преподносят они передовикам. После танцоров—модельеры. Наташу Головину, поскольку она невеста, одарили белым свадебным платьем новейшего фасона. Совет да любовь!

Кончилось празднество поздно вечером... И помчали автобусы хлеборобов по домам. Завтра рабочий день, а дел в колхозе невпроворот!

Председатель ордена Трудового Красного Знамени колхоза имени 13-й годовщины Октября Павел Семенович Иваньшин скромно, не хвалясь, рассказывает:

— План сдачи хлеба выполнили на 106 процентов, хотя условия погодные, сами знаете, были неважнецкие. На 116 процентов—план сдачи сахарной свеклы. А что касается мяса и яиц, то пятилетку мы одолели за четыре года.

— Как же с мясом-то удалось, ведь с кормами из-за погоды трудновато было?

— Нажали на скрытые резервы. К примеру, свекла. Знаете сказку «Корешки и вершки»? Мы так сделали: корешки—на сахарный завод, а вершки—коровам. А в ботве, сами понимаете, углеводы.

Павел Семенович предложил осмотреть хозяйство.

Птицеферма. Длинными рядами, как книги на библиотечных полках, расположились несушки. Несметные полчища. С помощью техники управляется со всем хозяйством одна птичница!

Вдоль стеллажей почти бесшумно движется машина. Она задает курам корм, убирает, извините, помет и собирает готовую продукцию — яйца. Делает все вовремя, ничего не забывая электронными своими мозгами. А мозги ей вправляет оператор птицефермы Анатолий Гончаров.

— Теперь, — сказал Павел Семенович,— глянем на строительство новых коровников.

Из бетонных плит собирают два огромных здания, чуть поменьше московского манежа. Светлые, просторные коровники должны положительно сказаться на настроении коров, а это, как говорят доярки, не меньше кормов влияет на удои.

Возле будущих коровников налаживают кормоцех. Пищевая поточная линия. Агрегаты, транспортеры, трансмиссии...

А вокруг, словно врачи на консилиуме, и главный инженер, и главный электрик, и даже Анатолий Гончаров — оператор с птицефермы. И по тому, как они спокойны, видно: ну час, ну два, и все пойдет как по маслу...

Николай Арсентьевич Елфимов возглавляет механизированное звено свекловодов. 330 центнеров свеклы с га — результат работы прошлого года.

Птичница Мария Борисова. За 1975 год получила от вверенных несушек миллион семьсот тысяч яиц.

У себя в кабинете Павел Семенович достал из папки документ, озаглавленный: «Личный творческий план на десятую пятилетку главного агронома Удовидченко Николая Михайловича».

— Видите, агроном планирует в новой пятилетке довести урожай зерна в среднем до 41,6 центнера с гектара. А в прошедшей пятилетке он был 31,1 центнера. Урожай сахарной свеклы довести до 300 центнеров с гектара против 232 центнеров в девятой пятилетке. Вот из таких планов главных специалистов и складывается наш общий колхозный план.

— Смело!

— А как же иначе? Я сказал своим специалистам: мечтайте, фантазируйте! Чем смелей, тем лучше, только чтобы все было обоснованно, все доказано до килограмма, до литра, до рубля... Все будет, как намечаем.

Мы вспомнили о Празднике труда.

— Наши тоже не ударили в грязь лицом,— улыбнулся Павел Семенович. — Витя Толоконников занял второе место на соревнованиях трактористов. Парень отличный. На тракторе любой марки может работать. И с комбайном управляется — поглядеть приятно. Счетовод Маша Борисова вышла победительницей на конкурсе девушек. Плясала, и стихи читала, и салат приготовила — объедение! С пуговицами разобралась быстрей всех: какую куда и как пришить... А вот на блинах мы погорели. Анастасия Нечаева — большая мастерица по этой части, но... то ли с рецептурой ошибка вышла, то ли жюри уже наелось до отвала, когда наша очередь подошла... Да к тому же у нас блины с маслом, а у победителей с икрой! Вот и потягайся с ними...

Справедливости ради должен сказать, что в колхозной столовой я побывал и блинов, напеченных Нечаевой, отведал. И вкусно это так, что ни шариковой, ни перьевой ручкой этого не опишешь. Ни даже гусиным пером, хотя бы и тем, что сковороды смазывают!

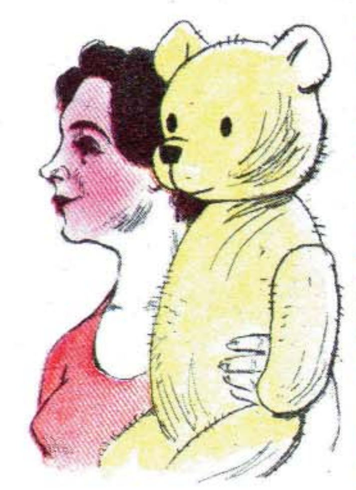
Нижнедевицкий район,
Воронежской области.

Ордена Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени и «Знак Почета» не хуже цифр говорят об успехах доярки Наталии Тихоновны Швецовой.

Тракторист Виктор Толоконников, отличившийся в тракторном слаломе.

Счетовод Маша Борисова с призом, полученным на Празднике труда.

маленькие интервью делегатов

Зинаида Сергеевна СОКОЛОВА, крановщица комбината «Апатит»

— Зина, помоги! Не справиться без тебя! — то и дело машут руками рабочие.

Она улыбается, ловко подхватывает многотонную махину вакуум-фильтра и легко переносит ее на ремонтный стенд. Зинаида Сергеевна Соколова недавно возвратилась с XXV съезда КПСС, делегатом которого являлась. На заводе она хозяйка мостового электрокрана. Чтобы встретиться с этой симпатичной женщиной, забираться надо на головокружительную высоту. Но разговор под самым куполом цеха — на земную тему.

— Вы знаете, что половина всех удобрений, выпускаемых в стране, получена из хибинского концентрата? — спрашивает З. С. Соколова.— Каждые сутки во все концы страны и за рубеж Заполярье отправляет 1400 вагонов с продукцией комбината «Апатит», отмеченной Знаком качества.

Она не искала легкой работы. С 1955 года — на «Апатите». Когда пускали вторую очередь обогатительной фабрики, попросилась туда. Дневала и ночевала в цехе...

— Какие перспективы на десятую пятилетку у комбината и у вас лично, Зинаида Сергеевна?

— Вся моя жизнь связана с комбинатом «Апатит». Тут и муж мой Виктор Павлович Соколов бригадиром ремонтников работает, тут и двое ребятишек у нас выросло... Мы знаем, что прибавка к всесоюзному караваю зависит от нашей работы. Земледельцы страны ждут от нас «порошка плодородия». В этой пятилетке комбинат значительно увеличит выпуск продукции и достигнет мощности 20 миллионов тонн концентрата в год!

Олег Константинович ЛЕНЕВ, директор завода ВЭФ

— Расскажите, пожалуйста, какими достижениями отметил XXV съезд КПСС орденоносный коллектив ВЭФа?

— 28 ноября завод рапортовал о досрочном выполнении пятилетнего плана. Объем производства возрос на 60 процентов. Сверх пятилетней программы изготовлено 610 300 телефонных аппаратов, 437 600 радиоприемников, много десятков тысяч номеров АТС, на 12,3 миллиона рублей товаров народного потребления.

— Прошу извинить за такой вопрос, но не сказалось ли перевыполнение программы на качестве выпускаемой продукции?

— Что вы! Вэфовцы дорожат честью заводской марки. Теперь почти все готовые изделия сдаются с первого предъявления, а значительная часть, главным образом товары народного потребления, выпускается с государственным Знаком качества. Радиоприемники ВЭФ пользуются большой популярностью не только у нас в стране, но и за рубежом. Они экспортируются более чем в 30 стран мира, в том числе в страны — члены СЭВ, а также в Англию, Францию, Иран и другие.

— Какие новые задачи ставят перед собой вэфовцы сегодня, после XXV съезда партии?

— Наши конструкторы трудятся над разработкой нового радиоприемника «Спидола-231» с улучшенными акустическими данными и, разумеется, в новом оформлении. На смену АТС координатной системы постепенно придут квазиэлектронные станции. Эти станции будут значительно надежнее и компактнее старых.

— И в заключение еще один вопрос: в почете ли юмор и сатира на вашем заводе?

— Конечно. Почти во всех цехах регулярно вывешиваются новые номера «Колючек», «Крокодилов», а в заводской многотиражке «Вэфовец» активно сотрудничает близкий родственник Василия Теркина — Релейкин.

— Наконец-то к нам поступили станки последнего выпуска!

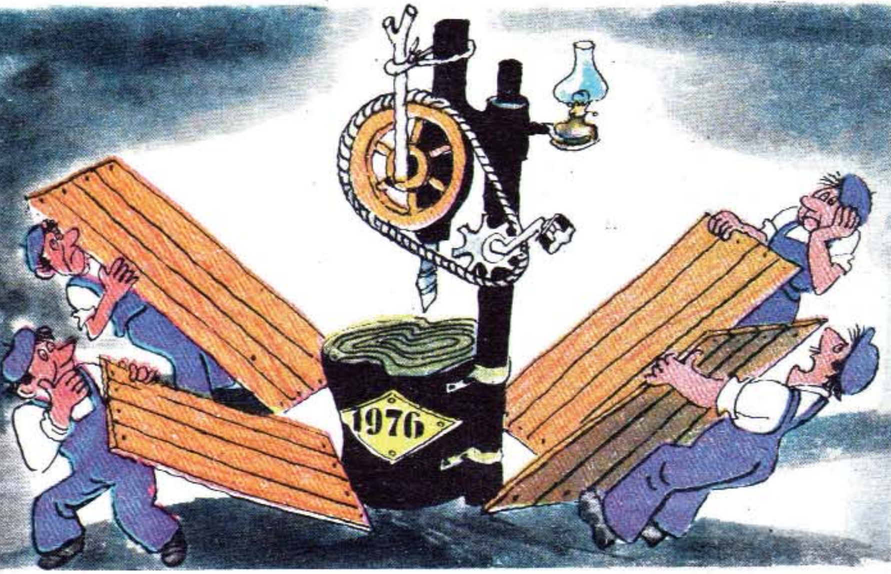

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«КУДА СПЕШИТЬ?»

В одноименном фельетоне («Крокодил» № 34 за прошлый год) шла речь о том, что в гор. Горьком мало Дворцов бракосочетаний, и, чтобы зарегистрировать брак, молодым приходится занимать очередь чуть ли не с ночи.

Председатель горисполкома гор. Горького тов. В. Ерехинский сообщил редакции, что факты, изложенные в фельетоне, подтвердились. Фельетон был рассмотрен на заседании горисполкома.

В нынешнем году решено открыть еще один Дом бракосочетаний, кроме того, районным отделам записей актов гражданского состояния рекомендовано проводить торжества бракосочетания во Дворцах и домах культуры города Горького.

«ПОСЛЕ СВАДЬБЫ»

В одноименном фельетоне Ю. Борина, опубликованном в № 36 «Крокодила» за 1975 год, речь шла о том, что в новом жилом массиве г. Харькова — Салтовке — очень мало детских дошкольных учреждений.

Как сообщил редакции председатель Харьковского исполкома Совета депутатов трудящихся тов. Ю. Гуровой, горисполком принял решение о строительстве в 1976 году девяти детских комбинатов, восемь из них будут функционировать в Салтовке. Для ускорения строительства привлечены средства промышленных предприятий.

«СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ»

Жители села Буда-Бровахская, Корсунь-Шевченковского района, Черкасской области, пожаловались в «Крокодил» на работницу магазина Н. Пшоно: и магазин-то она открывает, когда ей заблагорассудится, и хлеб завозит в него неаккуратно, да еще хочешь не хочешь к каждой буханке хлеба дает в нагрузку 200 граммов залежавшихся конфот («Крокодил» № 35, 1975 г.).

Как сообщил редакции заместитель председателя правления Центросоюза тов. В. Яковенко, Черкасский облпотребсоюз проверил факты, описанные в заметке.

Тов. Н. Пшоно объявлен строгий выговор. Выговор объявлен также директору Бровахской дирекции розничных торговых предприятий тов. В. Перехрест.

«И СКАЗАЛ СУПРУГ СУПРУГЕ...»

Супруги Божко из г. Горловки оказались обладателями бракованного платяного шкафа производства Донецкого мебельного комбината. Об этом шла речь в одноименной заметке («Крокодил» № 24 за прошлый год).

Главный инженер Донецкого областного мебельного производственного объединения тов. Ю. Черенков сообщил редакции, что заметка обсуждена на производственном совещании, в бригаде столяров-сборщиков и на совещании с аппаратом ОТК на Донецком мебельном комбинате.

Супругам Божко бракованный шкаф заменен на новый.

За допущенную волокиту главный инженер Донецкого мебельного комбината И. Я. Максимюк строго предупрежден.

См. стр. 5

«Еще с октября прошлого года в нашем втором корпусе лента кормораздаточного транспортера наполовину пустая, без скребков, и нам приходится носить корм вручную через весь корпус. Я, как старшая доярка, обращалась в правление колхоза, в партком, в объединение «Сельхозтехника», все обещают разобраться и помочь, но забывают. По их, это пустяк, а по нас, пустяков в работе нет, все отражается на качестве работы. Разве я не права?».

(Из письма Т. П. Сологубовой, доярки колхоза имени «40 лет Октября», Динского района, Краснодарского края).

ПУСТЯК ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Правы, Татьяна Павловна. Ох, как правы. Читал я ваше письмо и думал: откуда во многих из нас этакое высокомерное пренебрежение... к частностям, что ли? Привыкли к масштабности, к размаху? Привыкли. И кого удивит нынче, что на пустыре, где еще полгода назад паслась коза Сильва деда Акима, теперь высится элегантное здание межколхозного консервного завода?

Просторные цеха, современное оборудование—не поскупились, словом, так что отныне не будут кровавой рекой течь томаты и гнить в ящиках сливы, с которыми торгующей сети и рефрижераторному транспорту в пик сезона пока что не управиться. В ароматные консервы переплавит завод живую продукцию — так мыслилось, и были в этом, согласитесь, масштаб и хозяйская дальнозоркость. На одно, правда, недостало ее ,дальнозоркости — своевременно заготовить необходимое количество жестяных крышек для закатки банок. И вот в самый разгар фруктово-овощного сезона скучают производственные мощности, простаивает оборудование, а запах гнили таков, что птицы в вышине, приблизившись к чуду консервной индустрии, резко меняют направление полета.

И еще я вспоминал, читая ваше письмо, Татьяна Павловна, мою недавнюю экскурсию по цеху холодной обработки металла. Царила тут автоматика, а точнее сказать — полуавтоматика, а еще точнее — не царила, а полуцарила, поскольку какое же это царство автоматики, если на пути, какой совершает заготовка, превращаясь в деталь, ее несколько раз вынимают и вручную обмеривают с помощью допотопного кронциркуля? Оказывается, предусмотрели все, а вот о таком «пустяке», как измерительная автоматика, забыли. Обернулось это десятками часов простоя уникальной техники.

В одном областном центре все было готово для перевода городского транспорта на бескондукторное обслуживание, однако еще в течение полугода билеты в автобусах продавались по старинке. Около двухсот женщин выполняли работу, которую наша возросшая сознательность давно переложила на железные плечи автоматов. Кстати, и эти самые автоматы были уже установлены в салонах, но бездействовали, бережно укрытые дерматиновыми чехлами. А все потому, что в автобусном парке не было машины для сортировки и подсчета металлических денег. Вручную же подсчитай их, попробуй!

Вряд ли стоит еще нанизывать примеры: кто из нас не припомнит случая, когда из-за сущего, казалось бы, пустяка срывается важное дело? Мал, да удал — это о нем, о пустяке, который, словно бомба замедленного действия, лежит и лежит себе незаметно, а потом бах!—и все вверх тормашками. Впрочем, когда кончается взрывом и на лбу вскакивают шишки, мы спохватываемся, дабы не нажить новых; когда же пустяк подтачивает дело исподволь, мы склонны привыкать к нему, завороженные размахом и грандиозностью этого самого подтачиваемого пустяком дела.

Фельетонист

ВОКРУГ СВЕТА И ТЬМЫ

Крокодильская международная газета. Выходит довольно регулярно.

Пишут читатели

Герр Ольшер: «А ЗАЧЕМ СУДИТЬ НАЦИСТОВ?»

В редакцию «ВСИТ» поступило письмо из Вены. Наш читатель Франц Кругль пишет, что он по собственной инициативе взял интервью у первого, то бишь генерального, прокурора Австрии г-на Ольшера.

Ниже следует текст интервью.

— Герр прокурор, недавно вышел сухим из судейской воды нацистский преступник Гогль. Во время войны он истязал узников концлагерей, однако суд отпустил его на все четыре стороны. Что вы можете сказать по этому поводу?

— А собственно говоря, кому какая польза от судебных процессов по делам нацистов?

— Но, простите, герр Ольшер, палачи, на совести которых столь страшные преступления, должны рано или поздно понести суровую ответственность!

— Разве после истекших десятилетий такой человек социально и политически не интегрировался с нашей действительностью?

— А по-моему, герр прокурор, нам следует поскорее, как бы это сказать, разинтегрироваться, или, проще говоря, расстаться с военными преступниками, разгуливающими по нашим улицам. Этих господ необходимо интегрировать с тюремной камерой.

— Я считаю, что нет смысла и необходимости вырывать кого-нибудь из нашей общественной структуры.

ОТ РЕДАКЦИИ «ВСИТ»

К сожалению, наш венский читатель Франц Кругль не указал своего обратного адреса, и мы лишены возможности проверить, действительно ли он брал интервью у генерального прокурора Австрии г-на Ольшера. Однако ознакомление с австрийской прессой показало, что заявление Ольшера о нежелательности дальнейших судов над нацистами, увы, имело место.

СВОБОДУ КОРВАЛАНУ! Плакат Ю. ЧЕРЕПАНОВА

СПОРТ — источник энергии

— Спортсмены — энергичные люди,— сказал директор парижского центра международной торговли Роже Капгра.— Но не пора ли начать эффективно использовать их энергию, особенно в условиях энергетического кризиса?

Мсье Капгра предложил проводить знаменитую велогонку «Тур де Франс» не на шоссе, а в спортивных залах крупных городов, причем... на месте. Велосипеды надо закрепить, чтобы гонщики, нажимая на педали, приводили в движение небольшие генераторы. Победителем будет назван тот, кто выработает больше электрического тока для освещения улиц.

ПЛАКАЛИ НЕДАРОМ

Почившая недавно Фиорина О'Ши из города Пало-Альто в Калифорнии оставила завещание, в котором указано, что из ее пятидесятитысячного наследства каждый присутствующий на похоронах получит по пять долларов, а те, кто проронит слезу,— по 50.

Чемоданы больного общества

Перед тем как пройти на посадку в воздушный лайнер, миссис Бэббит, тихая, законопослушная американка, решила пропустить стаканчик невинной «кока-колы». Она приставила чемодан к коридорной стенке и направилась к буфету. Испила, вернулась, а чемоданчика-то и нет. Украли? Миссис Бэббит сначала тоже так подумала. С криком «Караул! Обокрали!» она засеменила по обширному залу аэропорта. И вдруг в одном закоулочке видит свою ненаглядную багажную емкость. А рядом — полицейскую собаку, учащенно обнюхивающую чемоданные бока.

— Боже!—воскликнула голубая идеалистка миссис Бэббит. — Какая у нас все-таки замечательная полиция! Не успел человек крикнуть «караул!», а они уже нашли пропажу!

— Стоять! — прорычал полицейский инспектор и приложил ухо к чемоданной крышке.—Сознавайтесь, бомба есть?

Трепещущая миссис распахнула чемодан и продемонстрировала ворох швейных изделий — от интимных до верхних. Из чемоданной утробы пахнуло духами, но бомбой там и не пахло.

Однако далеко не всегда тревога оказывается ложной. После взрывов в нью-йоркском аэропорту Ла Гардиа в стране приняты чрезвычайные меры предосторожности. Наибольший страх полиции внушает чемодан без хозяина. Оставленный на минуту без присмотра багаж немедленно хватается, обнюхивается, прослушивается. Закрыты камеры хранения в аэропортах Вашингтона, Чикаго, Сан-Франциско, Миннеаполиса. Под подозрение взяты один миллион сто тысяч пассажиров, ежедневно переступающих порог 425 американских аэропортов.

Увы, для подобной нервозности есть основания. По сведениям американского журнала «Тайм», в 1972 году в аэропортах США у пассажиров было конфисковано 1313 единиц огнестрельного оружия, в основном пистолетов. В прошлом году эта цифра подпрыгнула до 5200. Вдобавок к сему зловещий набор ножей, кастетов и дубинок был найден как на самих пассажирах, так и в их багаже. Бурный прогресс наблюдается в области самодельных взрывных устройств. В 1972 году в аэропортах было найдено 13 бомб и «адских машин», в 1975 году — 156 штук!

Какое кипение черных страстей скрывается за этими цифрами. Какая жажда крови, наживы! Гангстеры, психопаты, террористы, а с другой стороны, те, кто их боится и готовится дорого продать свою жизнь...

Если в крови человека резко возрастает количество белых кровяных шариков, значит, человек болен. Если в чемоданах граждан появляется много оружия, значит, тяжко болеет общество.

Репортаж

На кирпичном фронте

В этот день атмосфера трудового энтузиазма царила во дворе лондонской галереи Тейт. Искусствоведы и реставраторы, смотрители залов и кассирша — все вышли на разгрузку кирпичей, прибывших из Америки.

Улыбки на разгоряченных лицах, бодрые шутки, сноровистое мелькание рук, передающих кирпичи...

Сторож Том Бардль появился на разгрузке последним (он спал в своей каморке под лестницей) и потому простодушно удивился:

— Никак галерею на ремонт закроют?

Общий дружный смех.

— При чем тут ремонт, мистер Бардль? Мы разгружаем экспонаты нового искусства, купленные в Америке. Это будет жемчужина нашей экспозиции.

— Кирпичная жемчужина? Первый раз слышу...— ворчит Бардль, включаясь, однако, в трудовой процесс.

Искусствовед Снодграсс, стоя в кузове грузовика, откуда он передает кирпичи, великодушно разъясняет профану:

— Куб, сложенный из этих ста двадцати кирпичей, представляет собой шедевр американского современного искусства стоимостью двенадцать тысяч долларов.

— Ай! — вскрикивает старушка Скрудж, смотрительница зала абстрактного искусства. Она уронила кирпич себе на ногу.

— Сломали? — Бледность заливает мужественное лицо мистера Снодграсса. Он не на шутку опечален.

— Это покажет рентген, — отвечает миссис Скрудж, танцуя на одной ноге.

— Меня интересует не ваша нога, а экспонат! Не забывайте, миссис Скрудж, что каждый кирпич стоит 100 долларов!

Сопровождаемая гневными взглядами, миссис Скрудж покидает двор. Кирпич, к счастью, цел. Все облегченно переводят дух...

Отуманенное лондонское солнце печально взирает из мира небесного на мир искусств...

«Надоело венчать, хочу венчаться!..»

Падре Джузеппе Моциони поднялся на амвон, но вместо привычного «Отче наш» радостно запел во все горло: «Пою тебе, о Гименей, бог новобрачных!» Засим преподобный сорвал с себя сутану и на глазах потрясенных прихожан стал натягивать черные жениховские штаны.

— Еще один,— проворчали в Ватикане, узнав об очередном дезертире с церковного фронта.

Кардинал Гароне подвел кое-какие итоги: «14 000 священников покинули церковь за семь лет, главным образом ради вступления в брак».

Не чуждо человеческое и монахам. За последний год сбежали на волю семь тысяч обитателей итальянских монастырей. Очевидно, и монашескому сердцу хочется ласковой песни, а также хорошей, большой любви...

В мире науки

Подвели гены

Во время пребывания консерваторов у власти мистер Реджинальд Модлинг, в ту пору министр внутренних дел, брал взятки у видного архитектора Поулсона, за что давал архитектору крупные строительные заказы. Тогда папа угодил в газеты — в колонки скандальной хроники. Теперь в тех же колонках появилось имя Эдварда Модлинга — сына Реджинальда. Он попался на куда менее крупной афере: просто крал вино в магазине, где служит заместителем директора...

Так генетическая теория наследственности получила новое блестящее подтверждение.

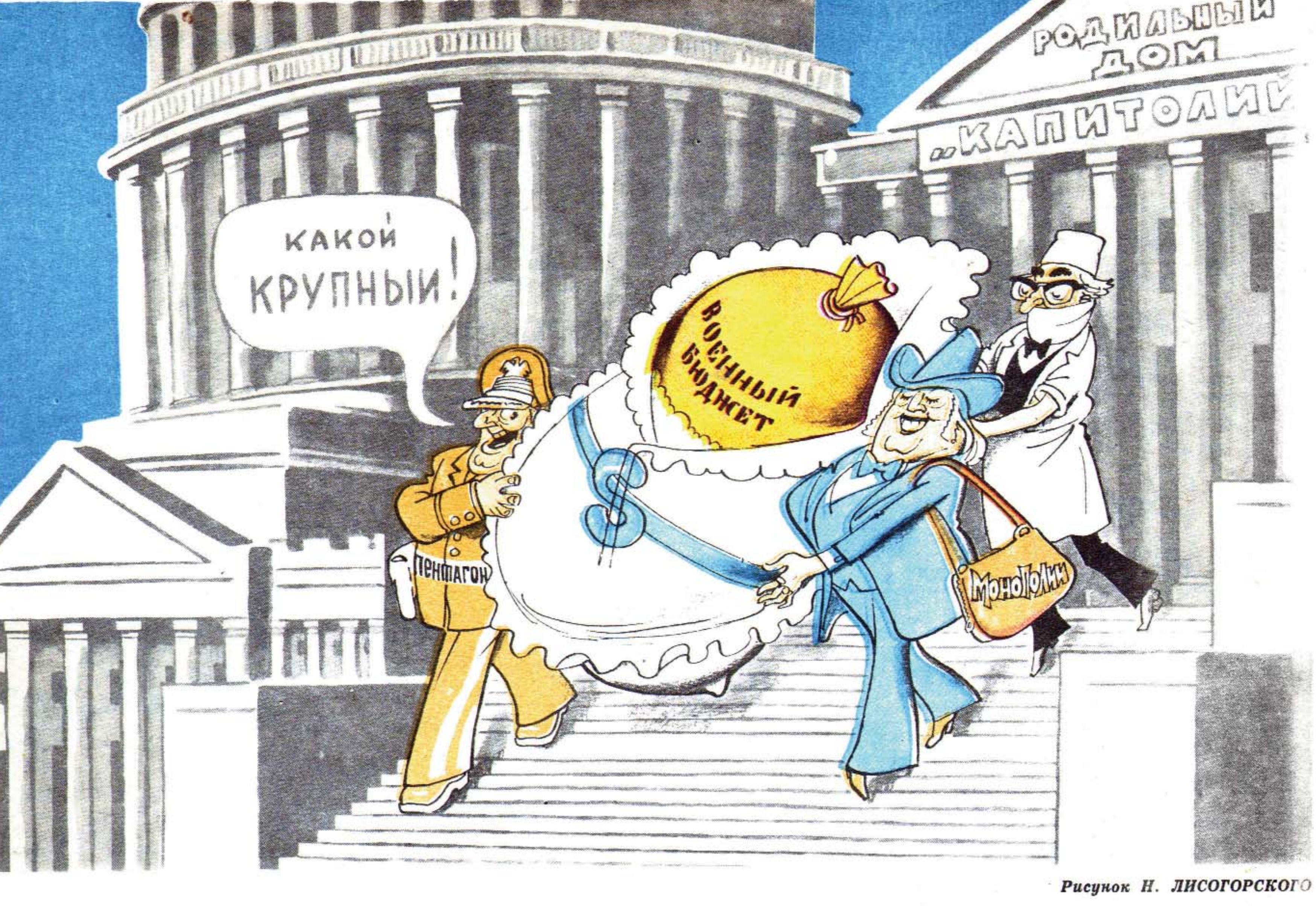

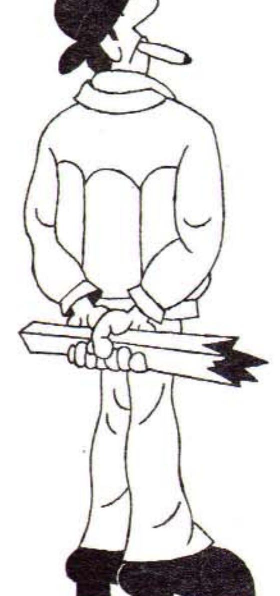
Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

Т. ШАБАШОВА

Бить или не бить?

Небывалый размах безработицы в Англии не оставляет равнодушным ни один слой тамошнего населения. Во-первых, потому, что, как поется в арии, «сегодня ты, а завтра я!», а во-вторых, потому, что на пунктах трудоустройства (как теперь свежо именуют биржу труда) творится — не побоюсь этого слова — черт знает что. Бьют сотрудников. Чем ни попадя. Синяки и кровоподтеки сплошь и рядом окрашивают трудовые будни этих учреждений. От посетителей в прямом смысле слова нет отбоя.

Вот что сообщает по этому поводу на страницах журнала «Уикэнд» специалист по безработице Барри Брэнфорд в статье «Какова жизнь на биржах труда?»:

«Служащие пунктов трудоустройства жалуются, что их оскорбляют, на них нападают люди, часами ожидающие приема. По мере того как очереди растут, случаи рукоприкладства учащаются».

«Служащие жалуются»! Пожалуешься, когда на тебя набрасываются с кулаками. И ладно бы еще с кулаками.

«Один из посетителей набросился на служащего Мидлендского отделения и нанес ему тяжелую травму металлической пепельницей. Клерку наложили пятнадцать швов на голову, и он был рад, что вообще не стал инвалидом».

Впрочем, клерку крупно повезло. Потому что, как далее говорится в статье:

«А сколько раз другие служащие оказывались под угрозой ножки стула, тяжелой сумки, сапога на платформе и даже зажженных сигарет!»

Что касается ножки стула и вообще мебели, то тут вышли из положения довольно легко:

«На многих биржах труда мебель крепко привинчена к полу, и служащие защищены от посетителей толстыми, непробиваемыми стеклами».

Итак, мебель обезвредили. Мебель привинчена, и служащий застеклен. Но ведь бывает, что ему надо выйти из укрытия и встретить посетителя с открытым забралом. И вот тут приходится бросить укор моде. Изящные ридикюли, какие носили наши бабушки, не смогли бы причинить столь серьезного увечья, как увесистые хозяйственные сумки, которые теперь взяли на вооружение британские дамы. Пущенная с размаху, эта махина способна с ходу отправить вас на инвалидность. Особенно если ее металлический замок попадет не в бровь, а в глаз.

Серьезного выговора заслуживают и дизайнеры обуви. Не введи они в обиход сапоги на платформе, служащим пунктов трудоустройства не грозила бы поминутно смертельная опасность. Легкая туфелька, даже если ею шарахнуть изо всех сил, в лучшем случае способна выбить зуб, ну два. Каблучок-шпилька — выколоть глаз, не больше. Обувь же на платформе, если она летит точно в голову, враз обеспечит летальный исход. Не говоря уж о моральной стороне: кому приятно погибнуть от чужого сапога!

Отрадно, что администрация позаботилась о своих сотрудниках. В статье мы читаем:

«Служащие попросили — и получили! — дополнительно к основному окладу 100 фунтов в год, так называемую п л а т у з а с т р а х, чтобы уж знать, что не даром им приходится встречать опасность на переднем крае».

Что и говорить, на таком горячем участке должен стоять человек с выдающимися физическими данными, презирающий опасность, с мгновенной реакцией. Хлюпику там не место. Он там не протянет и двух дней. Клерк должен уметь ловко увернуться от удара, а в случае необходимости дать сдачи.

Налицо и забота о безработном человеке. Делается все возможное, чтобы он не унывал:

«Мрачные, старые биржи труда в наши дни уступают место весело разукрашенным пунктам трудоустройства, где перелистывают папки с бумагами элегантные сотрудники и модно одетые сотрудницы».

Итак, пункт весело разукрашен, безработному приятно туда заглянуть. Очевидно, поэтому там тысячные очереди. И с каждым днем желающих полюбоваться на пункт становится все больше.

«Министр финансов вынужден признать, что к рождеству 1975 года работу потеряли 1 500 000 человек, а в 1976-м к ним, возможно, прибавится еще 500 000».

Конечно, можно было бы найти выход — дать людям хлеб и работу! И тогда все эти столпотворения, рукоприкладства и членовредительства на пунктах трудоустройства утихомирились бы сами собой. Но чего при капитализме нет, того нет.

И, вынося в заголовок своей статьи вопрос «Какова жизнь на биржах труда?», автор Барри Брэнфорд явно сам понимает, что вопрос этот горький и задавать его — все равно, что спрашивать у больного о здоровье. Он заключает:

«Они модернизировали внешний облик биржи труда, но суть дела, проблемы остались прежними».

См. стр. 10

— Накладные на молоко повезли грузовиком...

Рисунок Л. СОЙФЕРТИСА

ИЗ ЗАЛА — СЮДА!

Е. ЦУГУЛИЕВА, специальный корреспондент Крокодила

Подсолнухи с того света

Ни одной живой души больше не было в этот будничный день на сельском погосте. Лишь одинокая фигура маячила то там, то сям. Какой-то мужчина вглядывался в памятники и что-то записывал в блокнот.

Тетушка Ханифа подошла к незнакомцу:

— Не будет позором спросить, с какой целью ты, незнакомый человек, записываешь наших дорогих усопших в свою книжечку, чтоб она сгорела? И не будет ли им вреда?

— Какой может быть вред, сестрица! — вскричал незнакомец.— Просто я был дружен с человеком, который лежит вот здесь, и пришел пролить слезу над его могилой, а заодно записать его теперешний адрес.

Тетушка прекрасно знала, что «человек, который лежит вот здесь», был младенец Ратик. С воплем «фадис!» (караул!) она помчалась к селению. А незнакомец, не дожидаясь, пока на него нападут с дрекольем, улепетнул с кладбища...

Зачем и кому может понадобиться «теперешний адрес» и фамилия младенца Ратика, а также других обитателей сельского погоста, мы со временем узнаем. А пока заглянем в Ардонскую контору «Межрайзаготскот». Посмотрим, как заготовитель Георгий Гучмазов получает от начальства очередное задание.

— Бери деньги, грузовики и езжай на заготовки. Сам понимаешь, купишь дешевле — разница тебе.

— Не в первый раз,— глядя в рот начальству, отвечает Гучмазов.— Все будет сделано на высшем уровне!

И Гучмазов отбыл в те места, где на холмах лежала ночная мгла и шумела река Арагва. Тихо было на чайных плантациях Киндского совхоза, что в Абхазии: наработавшиеся за день люди разошлись по домам. Но Гучмазову люди были не нужны.

— Кось-кось-кось! — приманивал он сивого мерина, который пасся вблизи плантаций.— Иди сюда, чтоб тебя парша покрыла...

Простодушный мерин в конце концов поддался уговорам. Да и не он один! Целый табун согнал с пастбища на дорогу Гучмазов, погрузил на скотовозы и «с ветерком» доставил в свой Заготскот, отрекомендовав лошадей как «купленных у населения».

— Молодец, — сказало начальство.— У кого купил?

— А вот квитанции. Все фамилии указаны. Ратик Карацев. Омар Хайям. Гражданин Сулико... Ну, и другие. На высшем уровне.

— То-то же,— проницательно сказало начальство.— У меня чтобы без махинаций... Иди получай премию.

Так с помощью давно усопших граждан заготовитель, ни клятый, ни мятый, заработал лично две тысячи рублей! А вообще он же, действуя по этой системе, за короткий срок нажил около восьми тысяч...

Коллега Гучмазова — Степан Бекаури из Орджоникидзевского горкоопторга, лошадей не уважал. Он больше уважал заведующего складом совхоза «Мирный», что в Ставропольском крае. В результате этой дружбы из склада утекло почти пятнадцать тонн пшеницы. Доля же Бекаури от реализации краденого зерна составила три тысячи рублей.

— Я купил зерно у частных земледельцев,— убеждал Бекаури.— Пожалуйста, смотрите, вот квитанции, а в них фамилии продавцов.

Бекаури скромно умолчал о том, что фамилии «частных земледельцев» позаимствованы им из загробного мира. При помощи обитателей «того света» махачкалинец Ицхакович блестяще провернул несколько весьма выгодных ему лично операций с фруктами. Владимиру Ивановичу Ли «мертвые души» помогли укрепить свое благосостояние, продав ему в порядке заготовок большое количество краденого лука, а Русланбек Бузуртанов разбогател на купле-продаже самых обыкновенных подметальных веников. Купил у какого-то поручика Киже пятнадцать тысяч веников по полтиннику за штуку, а в отчете показал по рублю пятнадцати копеек. Разницу, натурально, положил себе в карман.

Автору этих строк довелось как-то беседовать с одним из «инициативных и смекалистых» заготовителей, уже прочно застрявшим в объятиях ОБХСС. Фамилию свою он просил не разглашать. Пусть так. Не все ли равно, кто исповедовался: Сидоров, Ицхакович или Ахмедов.

Вопрос был самый тривиальный: как дошли вы до жизни такой? Муки голода? Долг чести? Многочисленное, гибнущее от нищеты семейство?

— До этого, конечно, не доходит,— приняв шутку, сказал Ахмедов-Сидоров.— Но как быть, ежели я, заготовитель потребсоюза, работаю без твердого оклада? Командировочных и квартирных не выдают, хотя наша работа проходит в разъездах. Ты, говорят, получаешь под отчет большие суммы да еще имеешь в своем распоряжении транспорт. Вот и выкручивайся.

— А что это значит на практике: «выкручивайся»?

— Ну...— замялся Сидоров-Ицхакович,— в общем, пускай деньги в оборот так, чтобы они принесли тебе «навар». Вот мы и выкручиваемся. А за пределами своей области или республики мы свободны, как птички! Никакого контроля.

Дикая, однако, получается ситуация! За весь 1974 год потребкооперация, Скотопром и консервное объединение Северной Осетии не закупили по твердым ценам в колхозах и совхозах ни одного пшеничного зернышка, ни росинки растительного масла, ни одного подсолнечного семечка. Зато было приобретено «у населения по договорным ценам» 15 139 тонн пшеницы, 2007 тонн подсолнуха и 474 тонны подсолнечного масла. Спрашивается, где взяли все это «частные земледельцы»?

Ежегодно ОБХСС Северной Осетии привлекает к ответственности за нарушение законов примерно полсотни заготовителей. Но, как видно, усилий одной только этой организации маловато. И не сделать ли так: установить правило, чтобы в квитанции вносились подлинные имена и адреса лиц, продающих продукты.

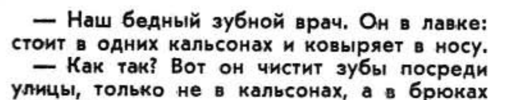
...Вот такие дела. А если бы мы, не подготовив читателя, бухнули ему, что в заготовках лука, например, участвовал Иван Сусанин, а веники заготовителю продала Софи Лорен,— он бы не поверил. Он бы сердито сказал:

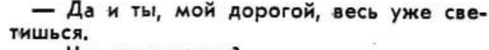
— Ерунда какая-то!

Северо-Осетинская АССР

Джанни РОДАРИ

ДОКТОР И ЗЕРКАЛА

Никогда не кривляйтесь перед зеркалом: оно может отомстить. Задумайтесь над тем, какой поучительный случай произошел однажды с доктором Поликарпо Робивеккьи, известным дантистом из города Кастельбакко.

Однажды в девять часов утра доктора Поликарпо увидели входящим в кафе «Италия». «Ну и что же здесь такого?— скажете вы.— Если зубной врач входит в кафе «Италия» и заказывает себе чашечку кофе, в этом нет ничего удивительного». Совершенно верно. Но наш доктор Поликарпо был одет в пижаму, а когда подошел к кассирше, показал ей язык. Вот почему кассирша упала в обморок, бармен побледнел, а хозяин кафе позвонил в больницу:

— Алло? Пришлите скорую помощь. Наш зубной врач сошел с ума.

Посетители посмелее подошли к виртуозу бормашины, попытались образумить его, но он всем молча показывал язык. А скорая помощь так никогда и не доехала до кафе «Италия», потому что на полдороге была вынуждена остановиться перед толпой горожан, запрудивших улицу.

— Посторонитесь, посторонитесь, мы едем помочь доктору Робивеккьи!

— Да вот он, ваш доктор Робивеккьи! Посреди толпы бравый Поликарпо в брюках и в майке, с болтающимися подтяжками, яростно чистил зубы зубной щеткой, а время от времени останавливался, показывал язык или, приставив большой палец к кончику носа, делал «козу».

— Бедняжка,— сказали санитары.— Он действительно сошел с ума.

Но только они собрались посадить доктора в машину, как из табачной лавки с криком выскочил ее хозяин:

— Помогите! Он сошел с ума!

— Кто?

— Наш бедный зубной врач. Он в лавке: стоит в одних кальсонах и ковыряет в носу.

— Как так? Вот он чистит зубы посреди улицы, только не в кальсонах, а в брюках и в майке.

В течение последующих десяти минут были обнаружены еще двадцать четыре экземпляра доктора Поликарпо: в цветастом халате, с махровым полотенцем через плечо и т. д. Один из них брился, другой вытаскивал ресничку из глаза, но все они так кривлялись и гримасничали, что в городе Кастельбакко все пошло кувырком, как в дни больших праздников.

Такой поднялся шум, что даже служанка доктора, синьора Роза, выглянула из окошка, чтобы узнать у соседей, в чем дело.

— Ах, ваш бедный хозяин!

— Мой хозяин?

— Да-да, взгляните на него.

— В чем дело? — воскликнула синьора Роза.— Мой хозяин находится в своем зубоврачебном кабинете и сейчас извлекает коренной зуб у супруги мэра.

— А эти кто же тогда, по-вашему?

Синьора Роза побежала скорее к хозяину.

— Синьор доктор, выйдите на минутку, тут прямо какое-то светопреставление!

— Не мешайте, Роза, вы же видите, что я занят!

— Да посмотрите же сюда! Что будет с вашим авторитетом?

Но эскулап ничего не хотел слышать. Он закончил свою работу во рту супруги мэра, с обычной любезностью проводил ее до двери, вежливо раскланялся и... едва успел поддержать даму, которой сделалось дурно. От острого приступа зубной боли? Как бы не так! Навстречу им по лестнице поднимался доктор Поликарпо Робивеккьи в купальных трусиках.

Доктор проводил супругу мэра обратно в кабинет, уложил ее на кушетку, поручил заботам синьоры Розы и обратился к непрошеному гостю:

— Кто вы такой? Откуда взялись? Что вам угодно?

— Я доктор Поликарпо Робивеккьи, зубной врач.

— И я тоже! — донесся еще один голос с лестницы.

— И я! И я! — раздались голоса с улицы. Перед домом выстроился целый взвод докторов Робивеккьи.

— Очень приятно,— сказал настоящий доктор,— но мне будет еще приятнее, если кто-нибудь объяснит мне, что означает эта чехарда.

— Никакой чехарды, почтенный коллега.

— Коллега?

— Разумеется. Разве вы не зубной врач? Как и мы? Потому что мы — это вы, уважаемый доктор. И, пожалуй, лучше перейти на «ты»: мы — это ты. Мы твои отражения, сошедшие со всех зеркал, в которых ты отражался в твоем доме, в домах друзей, в гостиницах, в кафе, в вокзальных залах ожидания.

И как бы в подтверждение последних слов в комнату вошел доктор Поликарпо в дорожной одежде, в шляпе, с зонтиком, с черной папкой под мышкой и с высунутым языком.

— Почему ты высунул язык?

— Я из зеркала на вокзале Ночера Умбра.

— И тебе необходимо высунуть язык, чтобы посмотреться в зеркало?

— Разве я виноват, что вы так делаете?

— Совершенно верно,— хором подтвердили многочисленные доктора.— Ты всегда кривляешься и гримасничаешь перед зеркалами, когда уверен, что никто тебя не видит. Зеркалам это надоело, и они решили проучить тебя.

— Понятно. И что же вы от меня хотите?

— Для начала,— ответил доктор, стоявший босиком,— поскольку время идет к обеду, мы хотели бы поесть.

— В моем доме?

— А почему бы нет? Это ведь и наш дом. Не поесть ли нам спагетти с устрицами?

— Превосходно,— ответили хором доктора, число которых уже перевалило за тридцать.

Натуральный доктор в изнеможении рухнул на диван, забыв о том, что на нем лежала супруга мэра. Синьора взвизгнула, вскочила на ноги и с воплями бросилась к выходу, как будто у нее на ходу рвали зуб без заморозки.

— Роза! — позвал доктор.

— Слушаю, хозяин,— ответила старая служанка, дрожа от страха.

— Спагетти с устрицами для всех...

Правда, не нашлось достаточно большого стола, но это не повлияло на хорошее настроение докторов: некоторые из них уселись прямо на полу, другие разместились в спальне, трое или четверо вышли на балкон, и все покушали с большим аппетитом.

— Не желаете ли кофе?

— Кофе! Кофе!

— А может быть, по рюмочке?

— По рюмочке! По рюмочке!

Но вот законный доктор захотел умыться и пошел в ванную, перешагивая через свои отражения. Открыв кран, он по привычке взглянул в висящее над раковиной зеркало и высунул язык, чтобы рассмотреть его. Тотчас же из зеркала спрыгнуло его отражение и присоединилось к остальной компании, как раз вовремя — чтобы выпить чашечку кофе.

«Зеркала объявили мне войну,— с горечью подумал доктор.— Придется защищаться».

Он вытер лицо и руки, размышляя над тем, как быть. Наконец, ему показалось, что выход найден. Он улыбнулся и скорчил гримасу зеркалу. Тут же новое отражение соскочило на пол, попрыгивая, чтобы размять ноги.

«Иди, иди, коллега,— усмехнулся про себя доктор Поликарпо.— Ты будешь последним из этой шайки».

Доктор объявил своим отражениям, что ему нужно уйти на четверть часа. Он вышел из дома, запер на ключ входную дверь и побежал на вокзал, не обращая внимания на горожан, которые с любопытством оглядывались на него, спрашивая себя, не бежит ли он добровольно в сумасшедший дом. Доктор сел на первый же поезд, отправлявшийся в Неаполь, и по прибытии помчался прямо домой к своему приятелю.

— Не спрашивай меня ни о чем,— сказал он.— У тебя есть темная комната без зеркал и сможешь ли ты предоставить ее мне на пару-тройку дней?

— Есть у меня такая комната,— ответил приятель,— и ты можешь жить в ней столько, сколько хочешь. Но что у тебя случилось? Может быть, я смогу помочь тебе?

— Извини, позднее я все тебе расскажу.

Доктор Робивеккьи заперся в комнате и облегченно вздохнул:

— Уверен, что по дороге сюда я не отразился ни в одном зеркале, и теперь зеркала не знают, где я спрятался. И если только моя идея сработает...

Сработала. Отражения, собравшиеся в его доме, через несколько часов почувствовали озноб.

— В чем дело? Наверно, здесь сквозняки. Нужно закрыть окна.

Окна они закрыли, но озноб даже усилился. Некоторые из почтенных докторов почувствовали себя совсем плохо.

— Мне нездоровится!

— Это видно: ты становишься все тоньше и тоньше прямо на глазах.

— Да и ты, мой дорогой, весь уже светишься.

— Что происходит?

— Похоже, бравый Поликарпо всех нас обхитрил. Где он? Есть ли какие известия от него? Нет ли новых отражений?

Нет, новички больше не появлялись. И тогда одно за другим отражения, лишенные своего оригинала, стали быстро угасать, уменьшаться, исчезать. Вот скрылось одно, вскоре второе... К вечеру их осталось двенадцать. За ночь исчезли еще девять... А наутро в воздухе бесследно растворились три последних. Синьора Роза обошла все комнаты, внимательно посмотрела в шкафах и под кроватями, но никого больше не обнаружила.

Доктор позвонил только через два дня.

— Кто-нибудь еще остался?

— Никого, синьор хозяин.

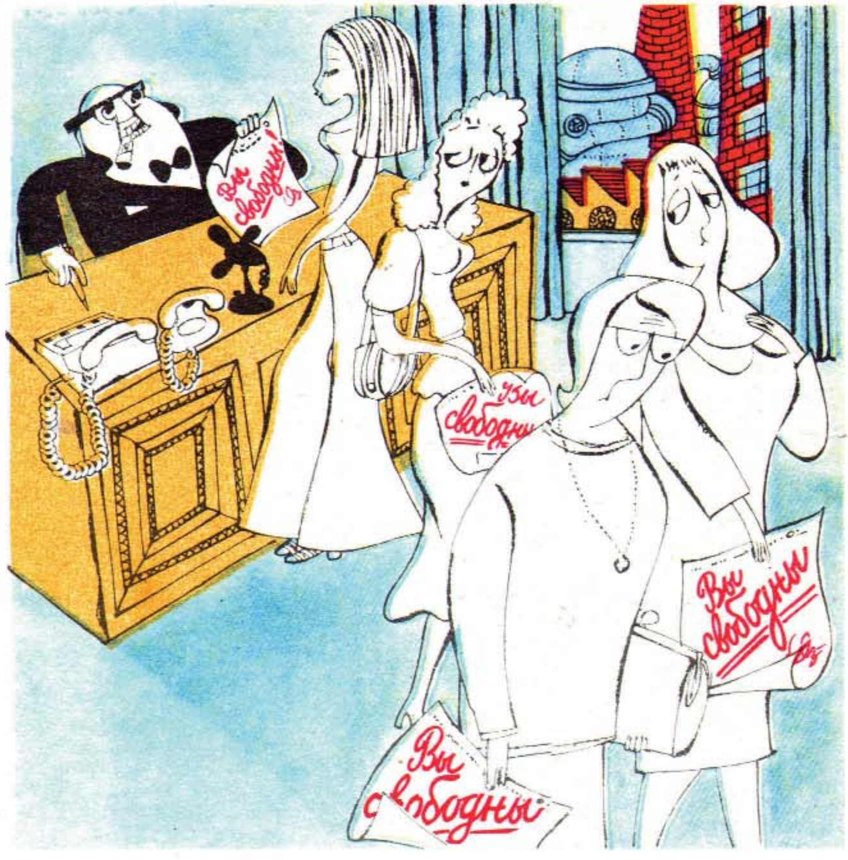
— Хорошо, тогда я возвращаюсь. Только немедленно прикрой чем-нибудь все зеркала. Придется мне некоторое время бриться на ощупь.

А в принципе, есть ли уж такая необходимость в зеркалах? Чтобы узнать, красивы ли и симпатичны мы, достаточно закрыть глаза и спросить свое сердце и ум.

Перевел с итальянского Ю. ЕРМАЧЕНКО.

ГДЕ-ТО НА ЗАПАДЕ

— Сами видите, женщинам мы гарантируем полную свободу.

С. НАСЫРОВА (г. Казань)

Анатолий ТАРАСКИН

Сберкасса под батареей

Я, старый бухгалтер на пенсии, украл ребенка. Петькой зовут, а фамилия — Круглов. Украл, чтоб припугнуть его родителей. Конечно, я читал рассказ О. Генри «Вождь краснокожих», но то, что у меня вышло, никакому О. Генри и не снилось.

Сговорился я с Николаем, подсобным рабочим из соседнего гастронома, что он придет в обеденный перерыв и как будто Петьку Круглова украдет. А я Николая гирькой по голове стукну и Петьку как будто бы спасу.

Сговорились, как полагается. За бутылку. Николай просил прибавить, но я решил не баловать.

Через день Николай принес гирьку. Полкилограмма. На веревочке.

— Ежели бы, — говорит, — за две бутылки, я бы килограммовую захватил. А за бутылку и этой обойдешься. Да, смотри, бей точно по голове, а то еще по бутылке шарахнешь, знаю я вас, бухгалтеров-очкариков.

— Не волнуйся, — отвечаю, — если разобью — с меня пол-литра.

Спрятал я гирьку в рукав и встал возле ворот. А Николай вбегает во двор, хватает Петю и тащит на улицу:

— Пойдем, мальчик, я тебя на машине покатаю!

А Петя, хоть ему всего пять лет, малец смышленый.

— Сколько, — спрашивает, — лошадиных сил?

Тут Николай начал суетиться.

— Я тебя, — кричит, — не на лошадях, я тебя на машине зову кататься! Вот дети пошли: их прокатить приглашают, а они не хочут.

Тогда я вышел из подворотни и стукнул Николая гирькой по голове. Два раза. Второй раз за безграмотность.

Смотрю, Николай начинает заваливаться на левую сторону, потому что на правой у него моя бутылка запрятана. Значит, в сознании.

А Петя, довольный, головкой машет:

— Правильно ты, деда Саша, его огрел. А то он шофер, а в моторах не разбирается.

— Не шофер он, Петя, а бандит. Он хотел тебя украсть, а потом у мамы за тебя что-нибудь попросить. А я тебя спас. Понял?

— Понял. А теперь мы его украдем, и его мама нам что-нибудь даст.

— Хорошо, — говорю. — Пусть он пока здесь полежит, мы его потом украдем.

— А давай, деда Саша, мы к тебе пойдем. Лучше ты меня украдешь, и моя мама тебе за меня что-нибудь даст.

Нет, не ошибся я в этом малыше! Так соображает!

Повел я его к себе, дал счеты старые — щелкай на здоровье. Потом накормил, в постель уложил.

— Хочешь, — спрашиваю, — у меня на денек остаться?

— А насовсем можно?

— Как насовсем?

— У тебя, — говорит, — весело, все трогать можно, ты всегда дома. Я тебе, деда Саша, по секрету скажу, я своего папу уже с чужими дядьками начинаю путать. Я его целыми днями не вижу. Укради меня, дедуля, навсегда, пожалуйста.

Погладил я его по затылку.

— Ладно. Как себя вести будешь.

Рассказал я мальчику сказку о Дюймовочке, он ее ни разу не слышал, дождался, пока он заснул, и пошел на улицу.

Смотрю, Кругловы бегут. Я к ним.

— У вас ничего не пропадало?

Мамаша себя сразу за пульс схватила:

— Ой, часы!

А отец дальше ее тянет.

— Ты же их в сумочку вместе с билетами кинула, а теперь ойкаешь.

Дальше побежали молодые родители. А я за свое:

— Петька-то ваш где?

Стоят, друг на друга смотрят, словно что вспоминают.

Наконец, отец спрашивает:

— Чего ты молчишь? Скажи, где Петька?

— Я думала, ты его на пятидневку наконец устроил, как обещал.

— А я думал, что твоя мама приезжала и забрала его к себе.

— Может, действительно забрала. Завтра позвоним и узнаем.

Убежали мои голубчики в кино, а я пришел домой и написал им письмо. Левой рукой и печатными буквами:

«ЕСЛИ ХОТИТЕ, ЧТОБЫ ВАШ СЫН БЫЛ ЖИВ И ЗДОРОВ И ВООБЩЕ В ПОРЯДКЕ, ПОЛОЖИТЕ ПОД БАТАРЕЮ НА СЕДЬМОМ ЭТАЖЕ В ПЕРВОМ ПОДЪЕЗДЕ ПЯТЬДЕСЯТ РУБЛЕЙ. ВАШ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬ».

Сунул я эту записку под дверь Кругловым. Теперь они хватятся и будут заниматься своим сыном. А то, что поволнуются немного, это даже полезно.

Ночью никаких волнений со стороны Кругловых не наблюдалось. Утром встретил мамашу у ворот.

— У вас все в порядке?

— Спасибо,— отвечает.— Хорошо.— И сама руку с часами показывает.

Опять я Петю накормил, поиграл с ним в жмурки, на бульвар вывел.

А как нам домой идти, смотрю, мой Петр Андрюшку Глотова из сороковой квартиры ведет.

— Деда Саша, у тебя твоя гирька с собой?

— А что такое?

— Давай того дядьку, который в моторах не разбирается, еще раз по голове стукнем и Андрея спасем. Пусть он у тебя вместе со мной поживет, а то он про Дюймовочку никогда не слышал.

Чувствую, что этого малыша тоже надо спасать. Черканул я и Андрейкиным родителям про пятьдесят рублей под батарею. Жду. Как вы думаете, чего я дождался? Ни за что не догадаетесь! Через месяц у меня уже шестеро детей обитало. А родители моих похищенных мимо меня шастают как ни в чем не бывало то в кино, то в гости.

Я их детей кормлю, я сказки рассказываю, я в разные детские игры играю. Жду, когда у родителей совесть проснется.

А родителям хоть бы что. Только однажды Петин отец подошел:

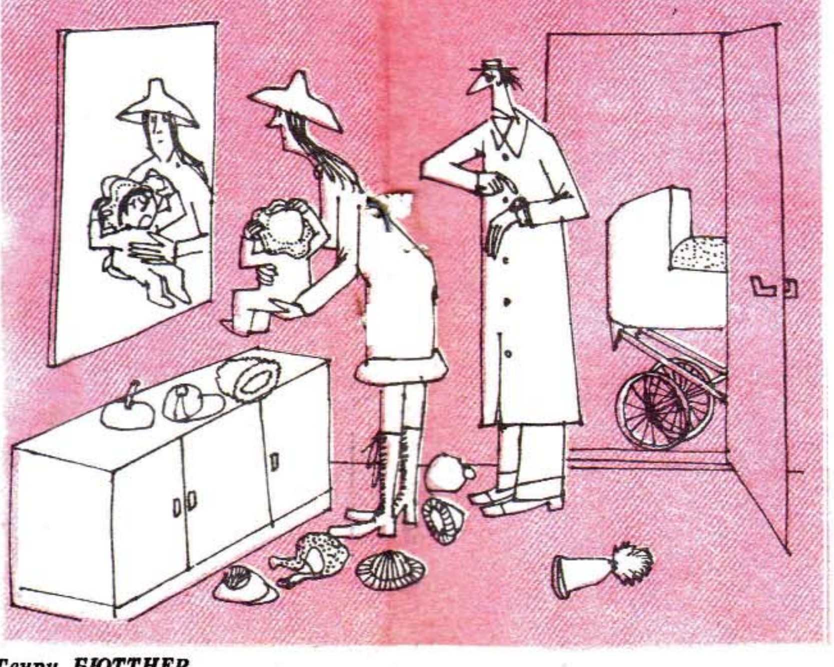
— Дядя Саша, ты почему деньги из-под батареи не берешь? Родители волнуются. Если мало, ты скажи, мы по пятерке надбавим.

А. АЛЕШИЧЕВ

К. РЕДЖЕПОВ (г. Мары, Туркменской ССР)

Генри БЮТТНЕР (ГДР)

Гр. МИХАЙЛОВ

ЭСА-1

Сижу я. Работаю. Вдруг приземляется возле меня Неумытов, говорит:

— Слыхал? Агин от нечего делать сконструировал себе портативную электронно-вычислительную машинку. Наподобие пишущей, только без клавишей и на транзисторах. ЭСА-I называется. Электронная Сваха Агина. Закодировал он всех холостяков обоего пола, и теперь у нас сплошные свадьбы. На той неделе Колышкин женился на Леночке Зиц, а сегодня...

Я спрашиваю:

— А чего он меня не закодировал?

Неумытов удивился:

— Как не закодировал? Наверно, он не знал, что ты холостяк. Это дело мы мигом поправим...

Я говорю:

— Да нет, я пошутил. Сострил вроде. Не надо мне этого. Я и в холостяцком состоянии нормально себя чувствую.

Неумытов от этих слов разволновался, даже закричал на меня:

— А ты не женись! Он же не заставляет тебя жениться! Просто интересно знать, кто из наших дам больше всего тебе соответствует...

Уговорил он меня. Приходим к Агину. Неумытов спрашивает:

— Ты его закодировал?

Агин отвечает:

— Нет.

— Как же так?! — прямо-таки поразился Неумытов.— Наш человек. Холостяк. Может обидеться.

Агин говорит:

— Зачем обижаться? Пусть лучше эту анкету заполнит. Мне раз плюнуть. Я что хочешь могу закодировать...

Вернулся я к себе и стал от нечего делать заполнять анкету. Сначала шли привычные вопросы: имя, отчество, фамилия. Знание иностранных языков. Наличие ученых степеней. Потом пошли интимные: цвет волос, глаз. Какие женщины мне нравятся: полные или тощие, злые или добрые, умные или глупые. Умею ли я готовить и если «да», то что. В автобусе уступаю место я всем женщинам или только молодым и красивым...

Вопросов пятьдесят было в анкете. Я на все честно ответил.

Через два дня Агин сообщил мне:

— Софья Поликарповна Коровии-Коровина — ваша судьба.

— Это которая же Коровин? — спрашиваю.

— Та, что у окна сидит. В отделе главного механика. С лошадиной мордой.

Я говорю:

— А на кой она мне с лошадиной мордой?

Агин отвечает:

— Это не у нее лошадиная морда. Это на сумочке ее вышито. А сама она очень даже ничего...

Агин удалился, а я не могу спокойно работать. Выкурил сигаретку. Покой не возвращается. Тогда я решил взглянуть на эту Корович. Только взглянуть!

Прихожу. Смотрю. Действительно, ничего. Рыженькая. Глаза голубые. Сама в теле...

Тут откуда ни возьмись Неумытов. Спрашивает:

— Ты что тут делаешь?

Я растерялся, смутился, отвечаю:

— Дышу...

— Давай,— говорит,— дышать вместе.

И подталкивает меня к столу этой Корович. Я сопротивляюсь, но не так, чтобы очень.

— Софья Поликарповна,— произносит Неумытов,— к вам товарищ по весьма срочному делу.

Она посмотрела на меня, улыбнулась, сказала:

— Слушаю вас...

Я еще больше растерялся, покраснел, пролепетал:

— Меня зовут Боря.

— А меня Соня. Ну и что?

— Ничего,— говорю,— красивое имя... Тетю мою тоже так звали.

Все это я говорю, чувствую, что не то говорю, а остановиться не могу.

Тут Неумытов вмешивается:

— Вы тут так покалякайте, а я пойду. У меня дела.

Он ушел, а я замолчал. Я молчу. Она молчит. Скучно со мной женщинам. Поэтому в холостяках задержался. Наконец я нашелся, говорю:

— Очень приятно было с вами познакомиться... Пока...

Тут она меня останавливает, спрашивает:

— Вы вечером сегодня что делаете?

— Как раз ничего,— отвечаю.

— Так, может, в кино сходим? Заграничный фильм идет. «Зануда» называется...

После фильма мы с ней прогулялись... Оказалось, у нас много общего. Общие знакомые. У меня общий с соседями телефон и у нее. У меня общие места общего пользования и у нее. А когда у людей так много общего, они быстро сходятся. Через полгода мы расписались. Обменяли две комнаты в разных районах на две вместе. Сонечка вырезала из «Огонька» фотографию электронно-вычислительной машины и повесила ее в спальне.

А вчера подходит ко мне Агин и говорит:

— Ошибка получилась. Машина была плохо отлажена. Не тот я резистор впаял. Вы должны жениться на Леночке Зиц, а Колышкин...

У меня сердце остановилось, комок к горлу подступил. Я закричал:

— Чихать я хотел на все ваши резисторы! Я свою ошибку никому не уступлю!..

Прихожу домой в возбужденном состоянии и все Сонечке рассказываю.

Она смеется, говорит:

— Успокойся, милый. Никто меня у тебя не отнимет. Тем более, что это была шутка. Нет у Агина никакой машины.

— Как нет? — не понимаю я.— А анкета?

— Анкету я составила. Вижу, ходит по учреждению симпатичный холостячок. Дай, думаю, его осчастливлю!..

Теперь я даже не знаю, кто же меня все-таки осчастливил: машина или Сонечка?

Октем ЭМИНОВ

Сватовство

Развеваются халаты.
Гордый вид. Горячий взгляд.
Пыль столбом. Подходят сваты
К дому тетушки Хаджат.
Возле дома — аксакалы
И старушки в два ряда.
Начинался как-то вяло
Разговор: «Да ну?» «Ну да...»
Нет, не очень-то умело
Речь заводит старший сват.
(Это конченное дело,
Если сват не дипломат!)
Но жених-то не бездельник!
И представила Хаджат
Много-много пачек денег,
К ним — халатов пятьдесят!
И сказала, приготовясь
Дать свое согласье: «Ах,
Людям ношей стала совесть,
Это видит сам аллах!
Мы же лишнего не просим.
Незаконного рубля
Нам не надо...
К цифре «восемь»
Припишите три нуля!
Или меньшего достойна
Наша дочь Огульгерек?»
Старший сват сказал спокойно
(Вот наивный человек!):
«Я вчера прочел в печати,
Что бесчестно брать калым!»
(Ну зачем же так некстати?
Эх ты, старший сват Селим!)
Разлетелся на кусочки
Намечавшийся союз:
«Рано замуж нашей дочке!
Пусть сперва поступит в вуз...»
Вновь калитка вдруг запела,
Как сладчайшая из струн,
И к Хаджат подсела смело
Толстая Огулдурсун:
«Наш сынок для дочки вашей
Чем, скажите, не жених?
Да к тому же полной чашей
Сразу будет дом у них.
Мы на крупные затраты
Ради этого пойдем!
Наилучшие халаты
Сверх калыма отдаем.
Знаем, сколько в Ашхабаде
Нужно будет покупать:
Шелк, ковры, платки, кровати,
Ванну, чтоб внучат купать...»
Вот уж в мелкие детали
Сватьи бойкие ушли,
Все подбили, подсчитали,
Оценили, утрясли.
Свадьба — дело не простое,
Щедро названа цена!..
Но ответьте, сколько стоит
Радость девичья одна,
Гордость девичья одна,
Горесть девичья одна?
Вы согласье не спросили
У самой Огульгерек.
Договор такой не в силе,—
На дворе двадцатый век!

Перевел с туркменского Олег ДМИТРИЕВ.

Предназначение женщины

Сценка из будущего

— Две рубашки, форменная пилотка, брюки... Да не рыдай ты так, господи, у меня сердце разрывается, но что же делать, ведь когда мы поженились, тебе было известно, кто я и где работаю, так что нечего теперь клясть свою злую долю и поминать маму... Да, я тебя люблю... Лучше поди на кухню и отдай киберу тарелки — пусть помоет. И, кроме того, ты всегда забываешь сдать белье в прачечную... Так. Кажется, все. Зубная щетка, паста... Назначение, предназначение. И нечего кивать на доисторические времена. Разве кто-нибудь виноват (и я в том числе), что мы более приспособлены к космическим перелетам — живем дольше, болеем реже, нервная система у нас устойчивее, логика вариативнее, здравого смысла больше, одним словом... Не возражай... Да, у тебя остаются дети. Вырастишь их, а тут и я прилечу. В конце концов это твое предназначение — ждать. И это подтверждает история. К чему же вы еще способны? Кстати, эта оборка на фартуке тебе не идет... Ну что ж. Пора. Поцелуемся.

Потом женщина подхватила чемодан и решительно зашагала к остановке космобусов.

Мужчина что-то пролепетал ей вслед и, закрыв лицо передником, скрылся в дверях.

г. Симферополь.

Е. ЗВЕРЕВА

Итоги

Вот и завершился конкурс «Мадонна». Из большого числа рассказов, стихов и рисунков, поступивших в «Крокодил», жюри, после долгих дебатов, дружно отобрало, как и требовалось, самые достойные и распределило долгожданные призы.

«ЗОЛОТОЙ КРОКОДИЛ» присужден

Леониду ЛЕНЧУ (г. Москва) за рассказ «Наш мальчик плачет», № 7, 1976 г.

Марии ЧУБАШЕК (ПНР) за рассказ «Идиот», № 31, 1975 г.

«СЕРЕБРЯНЫЙ КРОКОДИЛ» присужден

Льву ОШАНИНУ (г. Москва) за стихотворение «Яблоко», № 36, 1975 г.

Октему ЭМИНОВУ (г. Чарджоу) за стихотворение «Сватовство», № 10, 1976 г.

Льву САМОЙЛОВУ и Марку ВАЙСБОРДУ (г. Москва) за рисунок и тему «О Мадонна, и этого младенца увели!», № 7, 1976 г.

Софии НАСЫРОВОЙ (г. Казань) за рисунок «Где-то на Западе», № 10, 1976 г.

«БРОНЗОВЫЙ КРОКОДИЛ» присужден

Андрашу МЕСАРОШУ (ВНР) за рисунок «Без слов», № 7, 1976 г.

Хаскию ЧЕЛОБАНОВУ (НРБ) за рассказ «На рыбалку с секретаршей», № 36, 1975 г.

БАПЕ (ЧССР) за рисунок «Без слов», № 7, 1976 г.

Анатолию ЕЛИСЕЕВУ и Владимиру ТИЛЬМАНУ (г. Москва) за рисунок и тему «Рыцарь на час», № 31, 1975 г.

А. ШАХГЕЛДЯНУ (г. Баку) за тему к рисунку «Ты нас сотворил, господи, ты и расплачивайся!», № 36, 1975 г.

Ганчо РАЕВУ (НРБ) за рисунок «Петрова, мой сын будет учиться у вас. Если вы будете им недовольны, я могу перевести вас в другую школу», № 7, 1976 г.

Юрий БОРИН,
специальный корреспондент Крокодила

САМОГОННЫЙ ДЕТЕКТИВ

— Ну, я пошел,— сказал заведующий отделом писем газеты «Слава шахтера» Виктор Нестеренко и нетвердым шагом двинулся навстречу неизвестности.

Неизвестность подстерегала Виктора в доме номер один по улице Крупской, где, по нашим данным, гнали самогон.

Был вечер. Точнее, был уже тот безалкогольный час, когда в магазинах продавали только недоступный коньяк или малоэффективное вино. Ни то, ни другое нас не интересовало, мы жаждали первача, добытого горячей перегонкой из доброкачественного сахарного песка. До первача было рукой подать, стоило лишь переступить порог квартиры, но в этом как раз и заключалась самая большая трудность.

По нашим сведениям, самогонщик не продавал свое зелье каждому встречному, стало быть, следовало подослать к нему кого-либо из соседей. Вот за этим и пошел Виктор Нестеренко, захватив порожнюю бутылку из-под лимонада и полтора рубля. Он шел, пошатываясь и бубня что-то про себя, а мы с Николаем Алексеенко, сотрудником той же газеты, следили за ним из укрытия.

Вербовка агента шла негладко.

Единственный мужчина, сидевший во дворе на скамейке, охотно вступил в контакт с Нестеренко, даже указал пальцем на дверь: дескать, иди туда, там есть. Однако сам идти категорически отказался. Нестеренко потоптался возле него, икнул, спрятал в карман бутылку и, судя по всему, принял решение действовать самостоятельно. Мы насторожились.

Виктор, несомненно, обладал артистическими наклонностями: за исполнение роли пьяного его вполне могли бы взять в любой театр. Все тем же неверным шагом он подошел к подъезду и скрылся в нем. Мы затаили дыхание.

Спустя минуту Нестеренко вышел из подъезда несколько быстрее обычного. Нарушив конспирацию, он прямиком направился к нам.

— Шуганули,— сказал он коротко.— Что будем делать?

— Надо нажать на мужика,— предложил я.

— Не пойдет он,— сказал Виктор,— я его прощупал. Заячья душа. Говорит, непьющий.

— Может, мобилизнуть пацанов? — Николай кивнул в сторону кучки подростков, явно заинтересовавшихся нашими манипуляциями.

— Пацан,— позвал Виктор, голосом вдрызг пьяного,— п-поди сюда. Сядь... Понял?

Вероятно, это было антипедагогично — посылать подростка за спиртным. Но нами двигала святая цель: застукать самогонщика на месте преступления, а затем предать его всенародному осмеянию. Ради этой цели мы сознательно пошли на некоторые педагогические вольности.

Увы, воспитание юношей оказалось безукоризненным. Они стойко отразили наши атаки, заявив, что если мы хотим выпить, так нечего действовать через посредников.

— Идите вон в ту квартиру и просите,— сказал один из подростков.

Обстановка осложнялась. Нелегальные способы проникновения в жилище самогонщика провалились. Приходилось легализоваться.

— Николай, идите звонить в милицию,— сказал я,— а мы с Виктором будем следить за квартирой.

Надо отдать должное оперативности милиции: дежурный лейтенант на мотоцикле прибыл незамедлительно.

Мы представились и объяснили, что в первой квартире этого дома гонят самогон. Требуется накрыть нарушителя с поличным.

— Вот в этой квартире? — переспросил лейтенант.

— Ну да!

— И вы это точно знаете?

— Имеются показания свидетелей.

— Ничем помочь не могу.

— Почему же? Ведь вы милиция!

— Дело в том, что здесь живет наш работник.

— ??!

— Да. Здесь живет сержант милиции Виктор Асламов. Стучаться к нему я могу только с разрешения начальства.

Самогонщик-милиционер! Это уже уникальный факт. История приобретала скандальный характер. Милиционеров, которые занимаются самогоноварением, нам до сих пор видеть не приходилось. Интерес к жильцу квартиры номер один возрос на несколько порядков. Мы стали наседать на лейтенанта, требовать, просить, умолять. Но тот был непреклонен: он может нарушить территориальную неприкосновенность данного жилища только с санкции высокого начальства.

Что ж, возможно, он был прав. Я остался продолжать переговоры с дежурным, а Виктор с Николаем побежали звонить начальнику Гуковского городского отдела внутренних дел.

Теперь, рассчитывали мы, встревоженный начальник прибудет сюда сам. Шутка ли, милиционер-самогонщик, бросающий тень на всю гуковскую милицию!

Полковник милиции Новиков действительно был встревожен. Более того, он был разгневан. Полковник гневался по поводу того, что корреспондент «Крокодила» не доложил ему заранее об указанном «ЧП».

— В таком случае я вам помогать не буду,— заявил полковник.— Действуйте на свой страх.

Служебная амбиция возобладала. Мотоцикл, пыхнув нам в лицо выхлопными газами, скрылся за поворотом. Ситуация стала критической. Мы собрали военный совет.

— Может, отложим? — сказал Николай.— Завтра вы пойдете к полковнику, доложите по всей форме, а он даст указание...

— А самогонщик тем временем спрячет аппарат и заготовленную брагу, да? — насмешливо произнес Виктор.— Я предлагаю идти.

— Куда? — спросили мы дуэтом.

— В квартиру. Мол, здрасьте, мы из редакции.

Это нам до сих пор в голову не приходило.

— А если он скажет: знать не знаю?

— А может, у вас есть другая идея?

Другой идеи у нас не было. Мы решили брать быка за рога и ковать железо, пока оно горячо.

Нам открыли дверь, но в квартиру не пустили. Тогда мы вызвали хозяина квартиры на улицу и взяли у него интервью.

Вот краткая запись этой беседы.

— Скажите, вы гоните самогон? Это правда, что о вас говорят?

— И да и нет.

— Что это значит?

— Я гоню только для себя.

— А вот во дворе говорят, что вы продаете по три рубля литр...

— Такая цена везде.

— Дорогой товарищ Асламов,— взрывается Виктор,— мы вас обвиняем не в том, что вы завышаете цену, это уже, как вы понимаете, деталь...

Нестеренко читает самогонщику небольшую лекцию на антиалкогольную тему, после чего следуют новые вопросы и ответы.

— А где находится аппарат?

— Не здесь.

— Но у вас из квартиры идет довольно явственный запах браги.

— А это заготовка...

Интервью окончено. Мы благодарим Асламова за почти откровенную и содержательную беседу. Он тоже говорит нам «спасибо». Вероятно, за полезные сведения о вреде алкоголя и об ответственности за самогоноварение. (См. ст. 158 Уголовного кодекса РСФСР.)

На следующий день я покидаю Гуково, зеленый шахтерский городок. Я покидаю его в тот ранний час, когда зеленый змий еще спит под охраной работников прилавка.

И лишь легкий пахучий дымок курится над домом самогонщика...

г. Гуково, Ростовской области.

См. стр. 12

Этого веселого, всегда неистощимо изобретательного, щедрого на лукавую выдумку, забавную фантазию, остроумную «находку» художника больше нет в семье крокодильцев.

Более четверти века Юрий Николаевич Федоров — а говоря по-свойски, по-редакционному, просто Юра Федоров — рисовал для «Крокодила», вкладывая в любимое дело весь свой добрый талант.

Элегантная, исполненная гротесковой условности, стилевого изящества, строгого лаконизма манера отличала рисунки Ю. Федорова от «почерка» других художников - крокодильцев; и в то же время его рисунки превосходно «вписывались» в журнал, ибо в них всегда было то, что называется высоким искусством.

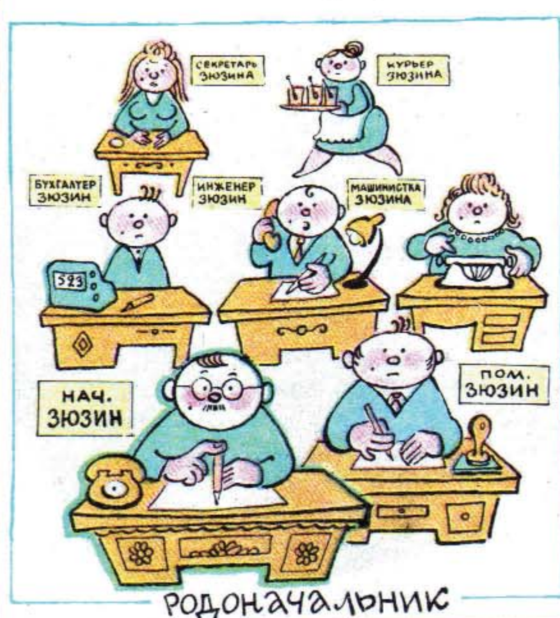
Это был редкостный талант, один из немногих, которые способны даже серьезную сатирическую тему выразить смешно, задорно, иронично, высечь из нее искру подлинного комизма, осветить ее оптимистической улыбкой. Что уж говорить о сюжетах чисто юмористических — тут художник был в родной стихии.

С первых номеров журнала «Веселые картинки» Ю. Н. Федоров — его активный автор, многие годы он был членом редколлегии этого журнала. Рисунки Юрия Федорова публиковались на страницах «Правды», «Известий», других центральных газет и журналов; его иллюстрации к десяткам книг всегда отличались глубоко творческим и своеобразным осмыслением текста.

Публикуя несколько последних работ Юрия Федорова, мы уверены, что они напомнят читателю многие другие его рисунки, печатавшиеся в журнале, и мы верим также, что его самобытное, искрящееся остроумием художественное наследие будет жить, не старея, еще многие годы.

РИСУНКИ ЮРИЯ ФЕДОРОВА

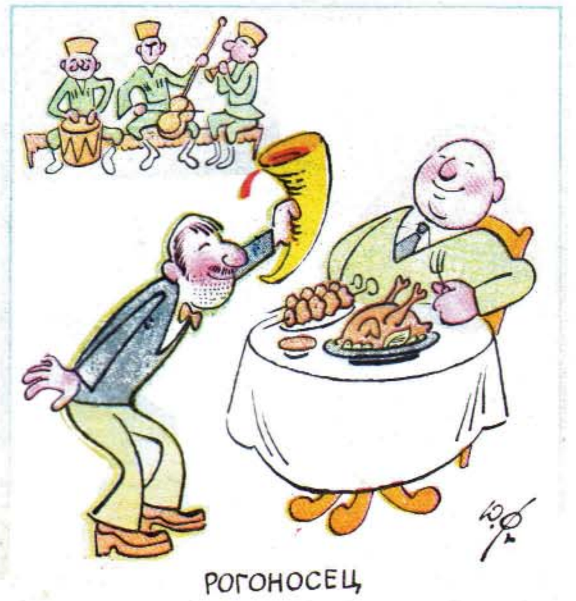
Почему мы так говорим?

РОДОНАЧАЛЬНИК

ЛЕСОСПЛАВ

РОГОНОСЕЦ

Из старых газет

НИЖНИЙ НОВГОРОД. Любопытный случай произошел здесь с госпожой Канашкиной.

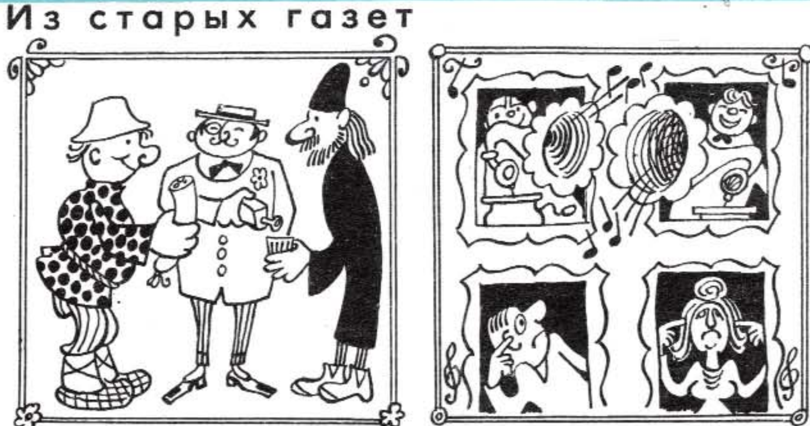
Возвращаясь с обедни, она попросила извозчика Дылдина подвезти ее к дому господина Фаготова. На ее просьбу Дылдин ответствовал, что-де едет в парк, но к трем вокзалам подбросить может.

«Российский мыслитель».

САМАРА. Местные старожилы вместо старых обычаев бражничества, испокон веков существовавших в провинциях Российской империи, ввели новый, довольно любопытный обычай. Мещане собираются по трое и распивают штоф браги на вольном воздухе, на глазах у городской думы.

«Губернский старожил».

Многие юные отроки как в провинциях, так и в столицах, укупивши модные сейчас граммофоны, спешат похвастать их звучанием.

Сии звуковые машины они выставляют в открытые окны и включают на полную мощь.

Таким образом, иногда менуэт сливается с мазуркою, отчего в эмпиреях происходит какофония, а в ушах колики и резь. Однако городская управа не может обуздать этих «Орфеев».

«Юности честное зерцало».

КОНОТОП. Забавный случай произошел здесь с поручиком Кобылиным. Прибывши с подорожной в Конотоп, поручик решил остановиться на постоялом дворе «Континенталь», однако получил «атанде». «Мест нет»,— изрек администратор «Континенталя».

Когда же поручик Кобылин приголубил администратора парою «красненьких лебедей» (двадцаткою), то получил отдельный кабинет, где и проживает с цыганами по сей день.

«Губернский доброжелатель».

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. По просьбе публики, среди которой большинство было дам, известный модельер мосье Хлыст дал прогноз дамской моды через сто лет.

Мосье Хлыст утверждал, что женщины будут носить парики, ходить на подошвах толщиною с дышло и в портах или в юбках, из-под которых будут видны исподники.

Мосье Хлыст с негодованием был осмеян публикой и назван шарлатаном, бесплодным мечтателем и пошляком.

«Дамский мыслитель»

РОСТОВ-ВЕЛИКИЙ. Здесь известный потешник, трактирщик господин Ермолкин затейливой вязью на стене своего заведения учинил надпись: «Приносить и распивать брагу строго возбраняется!»

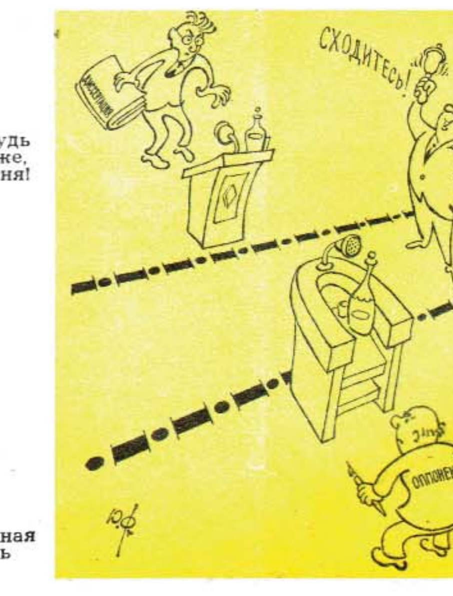
Этим он настолько рассмешил местных обывателей, что те каждодневно ходят взирать и потешаться над оною причудою и, конечно, со своей брагою.

«Губернский пересмешник».

ФАКИР И КАЧЕСТВО

— Если кто-нибудь принесет такой же, оставьте для меня!

Современная дуэль

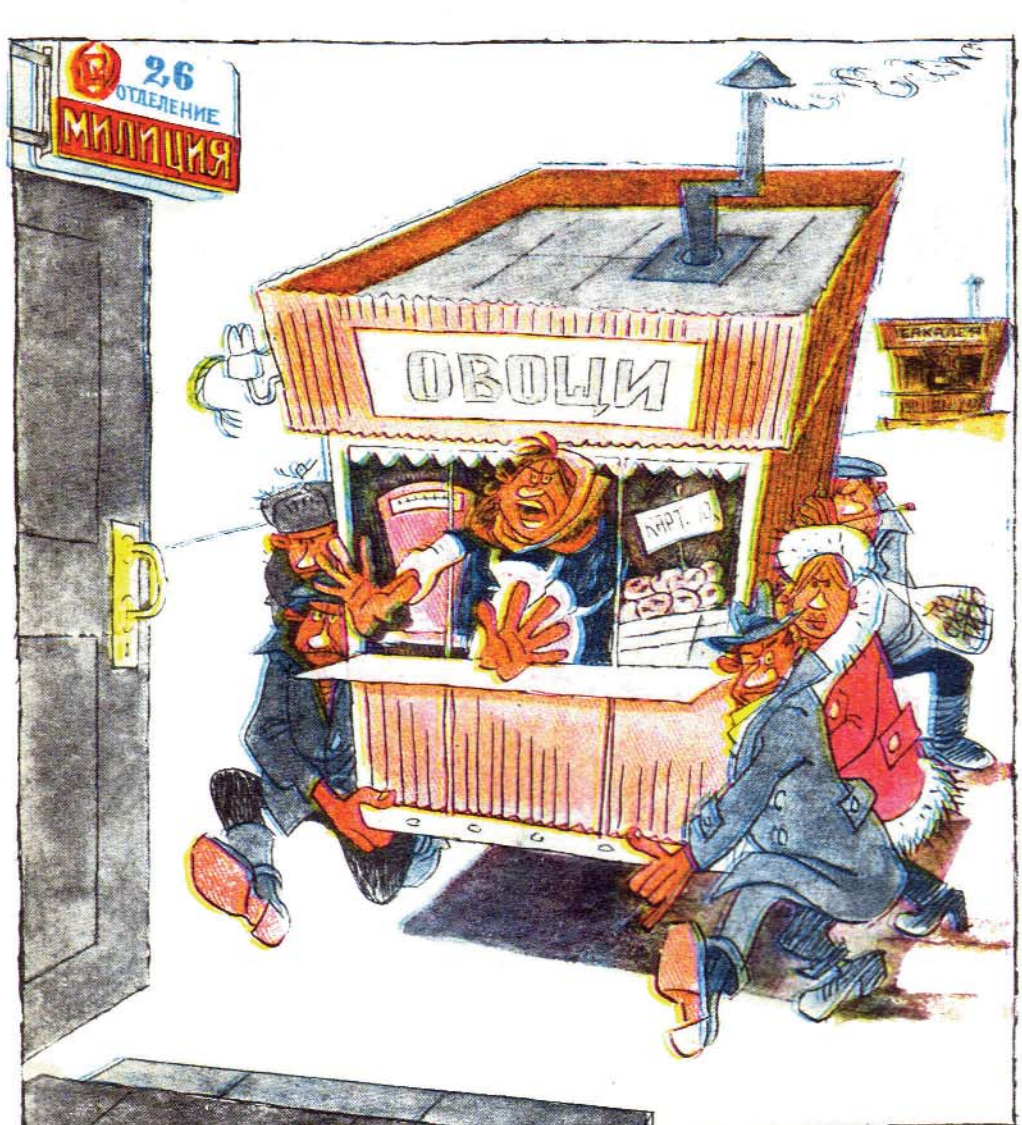

Что напутал художник на этом рисунке?

— Судя по следу, это крупный хищник!

Рисунок В. ЖАРИНОВА

— Голубчики, больше не буду обвешивать!

Рисунок И. СЫЧЕВА

Кондрат УБИЛАВА,
специальный корреспондент
Крокодила

Клад горы Ходжали

Вороватый лучик фонарика рассек черноту кавказской ночи. Звякнуло о камень железо. Послышалось натужное пыхтенье. На горе Ходжали творилось нечто явно таинственное... А днем досужий наблюдатель обнаружил бы несколько глубоких ям, испещривших лик горы, как гигантская оспа. А также сильно уставшего, небритого мужчину. Если бы досужий наблюдатель был близок к милицейским кругам, то без труда опознал бы в осквернителе горного ландшафта Арнольда Гогоберидзе — принципиального противника общественно полезного труда. Но досужий наблюдатель — дедушка, пасший козочку,— не был близок к этим кругам. И умилился:

— Что, генацвале, хочешь сад развести, да?

Землекоп с готовностью закивал головой. Но нагло врал враг общественно полезного труда. Сажать сады его не заставил бы и весь пленум Верховного суда Грузии...

Арнольда подвела жадность и полное отсутствие культурного багажа. Массу электрических батареек сжег он, ковыряя лопатой гору, заработал острую дистрофию, боязнь открытого пространства и нетрудовые мозоли на руках и ногах.

Ах, легковерен был Арнольд! Как-то в хинкальной города Ткварчели услыхал он обрывок разговора двух шахтеров. По всему получалось, будто в горе Ходжали кто-то когда-то зачем-то зарыл клад. Кругленькую сумму: шесть миллионов рублей! Их-то и пытался тайком откопать бедовый Арнольд.

Обладай он хоть минимальным интеллектом, собрал бы информацию и без труда узнал: да, эта сумма таится в недрах горы. Но рыть до нее надо по крайней мере метров четыреста, что при его отвращении к общественно полезному труду все равно обречено на провал.

Но спросим себя: кто же и зачем запихал такую уйму денег да на такую глубину, лишив покоя тунеядца?

Если бы Арнольд вдруг докопался до цели, то попал бы в шахту № 8 производственного угольного объединения «Ткварчели». Ну, не совсем в саму шахту, а в некий подземный зал. Но неуютно показалось бы там: запустение и тлен, плесень и нахальное шуршание крыс. Выйти на свет божий кладоискатель мог бы только тем путем, коим проник. Ибо ворота из зала наглухо заперты. По этой причине не смог бы Гогоберидзе украсть два электроагрегата мощностью по 17,5 тысячи киловатт, а равно и другое ценное оборудование. Ибо все это и есть клад, разжегший алчность неудачливого искателя сокровищ.

Электрический клад под названием Гализга-ГЭС и ценой в шесть миллионов рублей запихали в грудь горы вполне солидные организации. Еще много лет назад институт «Грузгипрошахт» задумал удивить всех и вся. Создать диковинку — подземную гидроэлектростанцию! Берем реку Гализгу, придумали проектанты, пускаем ее по тоннелю в шахту. Там водичка, накрутив тока, сколько надо для ударного шахтерского труда, спокойно вытекает вон из горы по другому тоннелю. Всего и делов!

Идея казалась заманчивой, хоть и вышло, что подземный ток будет стоить семь с половиной миллионов, а сама шахта — двадцать пять с половиной.

И начали зарывать миллионы в гору. С 1960 года. По полмиллиончика в год.

Много воды утекло в Гализге безо всякой электрической пользы. Немало появилось воды и под землей — этого геологи из «Грузуглеразведки» и проектанты вообще не ожидали. Да тут еще удружили некие расторопные умельцы со своим «рацпредложением». Зачем, мол, укреплять водоотводный тоннель бетоном? Дешевле же не укреплять — и так сойдет. За внедрение этого абсурда четверо «новаторов» унесли из кассы по 1200 рублей да еще трое — по 600 рублей — за содействие внедрению абсурда. Пока вспрыскивали премии, пятикилометровый тоннель тихо обвалился. Как бы его и не было вовсе. Правда, попутно там образовалась могилка еще для кладика: в виде разных хитрых железок — около 40 тонн, рельсов — 240 тонн, шпал — 176 кубометров и других деревяшек — 30 кубометров. Говорят, «рационализаторы» размахнулись было подать новое предложение, как теперь откопать добро, да, видно, совесть в конце концов пробудилась...

Все это, конечно, до сего дня задерживало и оттягивало волнующе-радостный момент перерезания красной шелковой ленточки перед врублением подземного рубильника.

Былые восторги — будет у нас подземное чудо! — давно уж сменились унылыми сомнениями — а нужно ли нам такое чудо? Чтобы его достроить, сколько еще миллионов надо спустить под землю? Наверное, поэтому от ткварчельского уникума, погребенного под горой Ходжали, вовсю открещиваются, как монах от лукавого, союзные Министерство энергетики и электрификации и Министерство угольной промышленности.

Как-то незаметно, под убаюкивающее журчание реки Гализги объект, которым собирались поразить мир, исчез из всех планов...

Редко-редко группки ответственных товарищей со скрежетом отопрут ржавый замок, тревожа крысиные семьи. Войдут в помещение несостоявшегося чуда. Поцокают досадливо языками. А что скажешь? С одной стороны, жалко труда и денег. С другой — все же какой был замах!

И так, поцокивая языками, запрут снова ворота и разойдутся по-тихому. Спите спокойно, шесть миллионов! Память о вас навсегда сохранится в наших сердцах...

г. Ткварчели.
Грузинской ССР.

Прежде чем предать гласности вышеописанную историю, Крокодил долго перебирал в памяти меры воздействия, которые можно было бы применить к нерадивым хозяйственникам, то есть к бесхозяйственникам:

пригвоздить к позорному столбу;

вынести на суд общественности;

сделать крокодильское внушение;

вставить фитиль и т. д. и т. п.

Но поскольку Крокодил опасался, что вирус бесхозяйственности подобно злокачественному вирусу гонконгского гриппа успел приспособиться к подобным инъекциям, он решил испробовать еще одно сатирическое средство: публичную постановку провинившихся в угол.

Первыми в этот угол препровождаются виновники захоронения миллионов в горе Ходжали.

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Григорий ЛУЧ

Спасибо первому апреля

Работаю я в штамповочном цехе. Делаю миниатюрные детали к машинам. За пять лет так наловчился — даже друзья завидуют. С закрытыми глазами могу норму на сто процентов выполнить. А с открытыми всегда даю сто тринадцать. Меня в цеху так даже и прозвали: Максим Сто Тринадцатый.

А однажды сам директор завода подошел к станку, посмотрел, как я работаю, да только восхищенно и кивнул головой: вот, мол, класс!..

В этот день я, как обычно, пришел в цех, включил станок — и давай щелкать! Рядом — мои соседи по участку, Михаил и Трифон — неплохие ребята, только пока еще до ста тринадцати процентов редко дотягивают. Но это дело поправимое — старательные парни, научатся...

Вдруг хлопают меня по плечу. Оборачиваюсь — Трифон.

— Тебя, — кричит, — к директору! Вызывают! Срочно!

Директор так просто не вызывает, это я понимаю. Тут же выключаю станок — и бегом в административный корпус. Отдышался перед директорской дверью и прямым ходом в кабинет. А там — начальники цехов, смен, мастера...

— По вашему вызову явился!— отрапортовал я директору.

— Что?!— спросил удивленно директор, снимая с носа очки.— По моему вызову?

— По вашему,— немного растерялся я.— По срочному...

— Я вас не вызывал,— рассердился директор.— Похоже, и меня в эти самые первоапрельские шуточки втянули... Возвращайтесь-ка на свое рабочее место... Впрочем, постойте, вы, кажется, из штамповочного? Максим Сто Тринадцатый? Молодец, Максим, здорово работаешь! Послушайте,— обратился он к начальнику нашего цеха,— а почему его фамилии нет в этом списке? Что, провинился в чем Сто Тринадцатый?

— М-м... не то чтобы провинился,— замялся начальник цеха,— но вот от общественной работы отказывается...

— Неправда!— не стерпел я.— Один раз, правда, отказался от коллективной поездки за город. Домой спешил. Жене во вторую смену нужно было идти, а мальчишку не с кем дома оставить... Из-за этого, наверное, профком до сих пор мое заявление на детсад не рассматривает...

— Гм... Ну ладно, идите,— сказал директор.

В цех я вернулся таким злым — глаза бы на друзей не смотрели. А они знай похохатывают: как же, разыграли! Ладно, включил я станок... Со злости, наверное, уже за сто тринадцатый рубеж перешел, а тут опять кто-то — хлоп меня по плечу. Оборачиваюсь — машинистка из завкома.

— В обеденный перерыв,— кричит,— в завком тебя приглашают! Обязательно!

Ну, думаю, хватит с меня первоапрельских шуток! Мишку вон или Трифона теперь разыгрывайте. Однако в обеденный перерыв друзья заверили меня, что уж в данном случае они ни при чем, и посоветовали все же сходить в завком. Мало ли чего...

И что вы думаете? Сколько до этого я ни ходил туда, ничего, кроме обещаний устроить мальца в детсад, не получал. А тут... Одним словом, вышел я на этот раз из кабинета председателя с заветным направлением.

Ну, конечно, настроение — сами понимаете. Не дожидаясь конца обеденного перерыва, включил станок. На радостях к концу смены двести тринадцать процентов дал! Только слышу, Мишка с Трифоном кричат:

— Да закругляйся ты! Смена-то уже кончилась! Слушай, что по заводскому радио говорят.

— ...ежедневно сто тринадцать процентов,— выключив станок, услышал я окончание фразы.— По итогам квартала присудить первую премию...

А вы говорите — первый апрель, никому не верь!

Перевел с чувашского
А. ФИНЬКО.

Мкртич КОРЮН

Вовремя сказал

— Что там стряслось?
— Беда, беда, Теван!
Задрал мою Хохлатку твой Полкан!
— Спасибо, что сказал, а то
жена-дуреха
Кормить его хотела, пустобреха.

Перевел с армянского Борис ГАЙКОВИЧ.

Хикмет ЗИЯ

Головка

Головка разукрашена, как в
сказке,—
Прическа, ротик, щечки, бровки,
глазки...
Но чуть заговорит прекрасная Головка,
Всем за нее становится неловко.
Вот так иной сосуд: красив снаружи,
А содержанье — несравненно хуже.

Перевел с азербайджанского Юрий ФИДЛЕР.

Юрий ЕГОРКИН

Слон и Моська

— Что это Моська так важна?
— Выходит замуж за Слона!

Ум и Сила

Сила б горы своротила.
Только как? Не знает Сила...
Ум бы горы своротил,
Только не хватает сил...
Им бы вместе лучше было,—
Подтверждает жизнь сама.
Хуже нет безумной Силы
И бессильного Ума!

г. Ленинград.

Юрий ЦЕЙТЛИН

Модник

Удивляются девчонки:
— Дед помодничать не глуп —
Ходит по воду в дубленке
Под названием «тулуп»!

Федор НОСКОВ

Привычка

Таксист гордился: он боксером стал.
Но хоть бы раз взошел на пьедестал!
Лишь потому терпел он неудачи,
Что забывал давать на ринге...
сдачи.

Рисунок К. НЕВЛЕРА и М. УШАЦА

Рисунок М. БИТНОГО

— Скорость у него возросла, а играть стал хуже!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

нарочно не придумаешь

«И вдруг на лицах расцвели улыбки, а на их месте, как выяснилось потом, стоял станок для плетения металлической сетки».

Многотиражная газета «Химик», г. Светлогорск, Гомельской области.

«Мною сделан прогул 20-го числа по причине больной головы, так как приехал брат из Донбасса, а он пьет. Не могу же я сидеть и смотреть на него тверезым».

(Из объяснительной).
Прислал В. Барабановский, г. Сумы.

«Имеются перепои молока телятам из-за позднего отъема телят от доярок».

(Из акта ревизии хозяйственно-финансовой деятельности колхоза имени Ленина).
Прислал П. Воробьев, Лихославльский район, Калининской области.

ОБ"ЯВЛЕНИЕ

Гражданам самовольно подключившихся к телевизионное антенне и не уплативших за подключение просим уплатить в телеательє в противном случае кабель будет откушен.

телеательє

«Кировоблтелерадиобыттехника» «ЭКРАН» Кирово-Чепецкий завод ремонта радиотелевизионной аппаратуры

Прислал С. Ардышев, г. Кирово-Чепецк.

«Что касается двух прогулов, Вы хорошо и без моей объяснительной информированы. И в заключение мне хочется сказать, ведь это все было в прошедшем году. И все наши ошибки и проступки остались в прошлом, и стоит ли о них вспоминать? Хороший хозяин, переезжая в новый дом, все плохое оставляет в старом».

(Из объяснительной прогульщика).
Прислал А. Фатьянов, г. Братск.

«Все звери, а особенно ребята, очень любят фильмы о животных».

Газета «Ульяновский комсомолец».

Улыбки разных широт

Надоедливая посетительница, часто приносившая свои графоманские произведения в редакцию, спросила у редактора:

— Почему вы требуете, чтобы мои вещи были напечатаны только на одной стороне листа?
— Это своего рода компромисс, мадам,— ответил редактор.
— Компромисс?
— Если бы мы могли, мы бы попросили вас не писать и на другой стороне!

●

— Чем вы объясняете, подсудимый, что в течение пяти лет не разговаривали со своей женой?
— Моим хорошим воспитанием, ваша честь.
— То есть?
— Я не хотел перебивать даму.

●

Владелец магазина оптики обучает молоденького продавца искусству торговли:

— Когда ты подберешь клиенту очки и он спросит о цене, ответь: «Десять долларов» — и жди, не вздрогнет ли он. Если ничего не заметишь, улыбнись и скажи: «Конечно, это только за оправу. Стекла стоят еще десять долларов». И снова следи за его реакцией.
— Ну, а если он не вздрогнет и на этот раз?
— В таком случае добавь: «Каждое».

●

— Официант! Что за цыпленка вы мне принесли — одна кожа да кости!
— Извините, сэр, к сожалению, все перья хозяйка израсходовала на набивку подушек.

●

— У моего отца золотая медаль за выигрыш забега в пять миль, золотая медаль за марафонскую дистанцию, серебряная медаль за плавание, два хрустальных кубка за борьбу, серебряная медаль за греблю и шахматы.
— Какой он у тебя прекрасный спортсмен!
— Он вовсе не спортсмен, он ссужает деньги под залог.

— Спасибо!

«Пуркуа па?», Бельгия.

Скромная справка о юбиляре

«Стыршелу» стукнуло 30 лет. Сатирики — народ скромный, но уважающий истину. А истина заключается в том, что наш журнал дал стране самых лучших писателей современной болгарской литературы, самых лучших поэтов, самых хороших юмористов и сатириков, самых выдающихся современных художников-карикатуристов.

Можно также скромно отметить, что «Стыршел» организовал тринадцать национальных выставок карикатуры, десять международных таких выставок, одну всеболгарскую конференцию по вопросам юмора и сатиры. Под опекой «Стыршела» были проведены первый и все остальные фестивали юмора и сатиры в Габрове, который в результате этого превратился в столицу юмора и сатиры.

Не следует забывать, что каждый год около 200 произведений болгарских сатириков и юмористов переводятся более чем на 20 иностранных языков.

«Стыршел» — отец единственного у нас сатирического театра, который называется СТС, то есть сатирический театр «Стыршела».

Не будет также нескромным упомянуть хотя бы в нескольких словах о том, что «Стыршел» был и остается самым талантливым, самым хорошим, самым читаемым (тираж 280 тысяч при 700 тысячах желающих подписаться) среди всех прочих юмористических изданий, выходящих в Болгарии.

Главный редактор журнала «Стыршел», лауреат премии «Крокодила» Христо ПЕЛИТЕВ.

Димитр ПЕТРОВ

Самокритика

Думаю я иногда, когда сижу на каком-нибудь совещании, стою в очереди или моюсь в бане: «А почему бы, например, не перестать нам самих себя и других критиковать?» Чем больше думаю, тем больше мне эта мысль нравится. Простенько, но, как говорится, со вкусом. Перестаем мы, значит, себя и других критиковать и начинаем, наоборот, хвалить. Каково, а? По-моему, очень интересная мысль. Подчиненные, скажем, хвалят своих начальников. Хвалят так красиво, искренне, со слезой в голосе. А начальники, в свою очередь, превозносят до небес подчиненных и представляют их к наградам.

Ах, какая искренняя дружба воцарилась бы повсюду, сколько нервов сберегли бы мы, сколько аппаратов для измерения кровяного давления можно было бы выкинуть за ненадобностью!

Но вот ведь, как всегда, найдется какой-нибудь мизантроп, который встанет после продолжительных рукоплесканий и сразу испортит всем настроение, сказав, что доклад директора приукрашивает действительность, что нет в нем самокритики, что руководство не прислушивается к советам низовых работников...

Должен признаться, что я и сам, к сожалению, такой. Сколько раз говорил я себе: ну, зачем, зачем огорчать людей? И все равно время от времени срываюсь.

Читаю, например, что бесплатное медицинское обслуживание населения прекрасно организовано. Мне бы зааплодировать, а я ворчу, что уровень медицинского обслуживания все еще недостаточно высок, что оно страдает формализмом и нередко зависит от личных связей и знакомств.

Или возьмем новое жилищное строительство. Я знаю, что наши новые комплексы в больших городах «красавцы», что они «раскинулись и вознеслись». Все это я, повторяю, знаю. Но мне больше нравится застройка иных небольших городков, чем огромные жилмассивы: дома там кажутся мне и красивее и разумнее спроектированными. Я самокритично говорю себе: да как же ты, не будучи архитектором, можешь иметь мнение по таким важным вопросам? Да ты даже гвоздя в стену забить не можешь, а берешься утверждать, что жить в этих суперсовременных комплексах не слишком удобно!

Но дело даже не столько в этих примерах, хорошие и плохие примеры можно найти в любых областях. Вопрос в том, что иные даже набираются наглости и начинают критиковать в печати. В пе-ча-ти! Они мешают людям безмятежно наслаждаться достигнутыми успехами, указывают им на новые запросы, на новые задачи.

Так вот, сознавая свою принадлежность к таким баламутам, к тем, кто уже тридцать лет на страницах «Стыршела» нарушает спокойствие разнообразных бюрократов, карьеристов, мещан, расхитителей народного добра и прочих им подобных, я хочу от имени первых преподнести вторым, как обычно, нашу искреннюю и честную критику.

КАРАНДАШ

Антисоветская истерия

●

Димитр СТОЙЧЕВ

Вместо объявления

Я вижу зорко,
не нужна мне оптика.
Но как увидишь,
что̀ мне рок колдует?
И потому ищу жену-синоптика,
Чтоб точно знать,
откуда ветер дует.

Валентин ПОПОВ

ПОПУТЧИК

Моросил мелкий, нахальный дождь. На плавном повороте шоссе фары моей машины осветили невысокую, сгорбленную фигуру. Я затормозил.

— Вам куда? — спросил я у человека.

— Куда угодно, только бы не стоять под дождем, промок до нитки,— просительной скороговоркой выпалил незнакомец.

— Я еду на море через Ловчен.
— Сама судьба! И я туда собрался!

Потеснив меня, попутчик поудобнее устроился на сиденье «Москвича» и, заметив мою жену, спавшую на заднем сиденье, сказал:

— «Шоферы и военнослужащие! Случайные половые связи чреваты возможностью венерических заболеваний». Раньше на дорогах ставили такие таблички...

Я открыл было рот, чтобы объяснить ему, что женщина на заднем сиденье — моя законная супруга, но почему-то промолчал. Не хотелось вступать в разговор.

— Ты где ее подцепил? — спросил попутчик, и я отметил про себя, что говорит теперь он уже не просительным голосом, как вначале, а развязным баритончиком.— Ничего птичка...
— Это моя жена, и вы меньше всего имеете право...— рассердился я, но мой спутник добродушно пробормотал:
— Ладно, ладно, не пузырься... Ты что, думаешь, я лыком шит? Я вижу, ты человек интеллигентный. Чем занимаешься?
— Журналист,— буркнул я, всем видом показывая, что не намерен вступать в беседу.
— Гм... Не люблю я вашего брата,— откровенно признался попутчик.— Пишете всякую ерунду: тот выполнил план, тот не выполнил. Сколько выколачиваешь?
— Что выколачиваю?
— Ишь, интеллигент, разговорного языка не понимает! Не придуривайся, я спрашиваю, сколько огребаешь в месяц?
— Двести с лишним левов, не считая гонорара,— не без гордости сказал я, надеясь поставить нахального попутчика на место.

Но он лишь громко засмеялся:

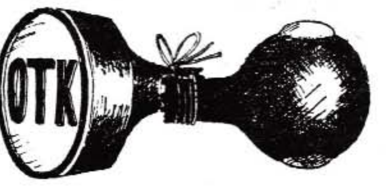
— Двести с лишним! Ну, уморил! Без гонорара, говоришь? Даже слушать неудобно. Я, брат, раз в десять более того имею. Кроликовод я. Кроликов развожу у себя на даче. Некоторые свиньями, молочком, курочками занимаются, а я, брат, по кроликам шурую. Не звери — Эльдорадо, Клондайк!.. Стоп! — неожиданно крикнул он. — Проехали мы поворот!
— Какой поворот?
— На Габрово.
— Я же сказал вам, что еду через Ловчен.
— Э, так не пойдет! Ты меня сначала закинь в Габрово, дорогуша, а потом дуй в свой Ловчен.
— Вылезай из машины! — заорал я.
— Ну зачем же так? — Мой попутчик снова заговорил вкрадчивым голосом: — Чего ты кричишь? — Он вытащил бумажник.— Двадцать левов хочешь? Ну, двадцать пять?

«Двадцать пять левов,— подумал я,— гм... на улице такие деньги не валяются... Скотина он, конечно, но...»

Я свернул на Габрово. Попутчик мой сразу повеселел, замурлыкал песенку. Остановил я машину там, где он попросил. Кроликовод вылез из машины и сунул мне что-то в руку.

— Хватит тебе и двух левов! И то много, журналист! И дуй отсюда побыстрее, пока я милиционера не позвал! Ишь ты, четвертной ему захотелось!

Митко ПЕТРОВ

Генчо СИМЕОНОВ

Синеглазая.

Материалы из «СТЫРШЕЛА» перевел Г. КОФМАН

КРОКОДИЛ

№ 10 (2164)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, М. Вайсборд, В. Гинуков, Л. Горохов, Ю. Ерофеев, В. Жаринов, Г. и В. Караваевы, В. Мохов, В. Спельников (г. Рязань), Ю. Степанов, В. Тильман, Ю. Черепанов.

НАШ АДРЕС:

101455, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:

250-10-86
253-34-37

■

Сдано в набор 9/III 1976 г. А 00892. Подписано к печати 19/III 1976 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 800 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 693 500). Изд. № 769. Заказ № 1957.

■

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.